

МАРТ • 1979

год издания XXIII

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
задачей
«Ленинские
звенья»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

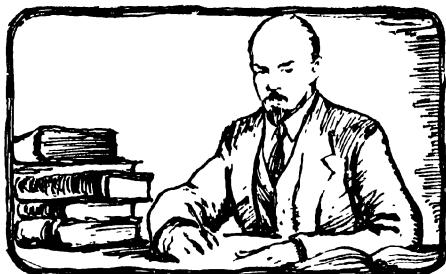

Лев КУКЛИН

Мамин день

Окончились морозы —
Бегу я налегке
И веточку мимозы
Сжимаю в кулаке.
И моего веселья
Ты, тучка, не задень:
Сегодня —
День весенний,
Сегодня — мамин день!
Везде стучат капли.
Как строчки телеграмм:
— А вы,
друзья,
успели
Поздравить ваших мам?

Рис. Л. Коломеецовой

Василий ОСТРОВСКИЙ

ЗДЕСЬ МУДРОСТЬ

Петербург рос. Богател. Украшался. Вставали над Невой великолепные дворцы, роскошные особняки. Старались затмить друг друга богатством. В мелкой суете своей и не заметили, как вырос на Невском проспекте дом с такими богатствами, что куда до него всем особнякам, вместе взятым.

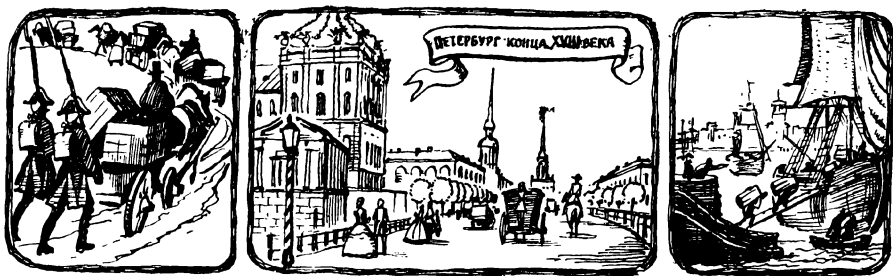
Конечно, богатства свои он не вдруг накопил. И не золото он собирал, не алмазы — книги, и назывался не дворцом, не банком — Публичной библиотекой.

Библиотека — книжное царство. Но начало ей было положено не писателем, не философом, а полководцем Александром Васильевичем Суворовым.

В XVIII веке жили в Варшаве два богатых брата-монаха: Андрей-Станислав и Иосиф-Андрей Залуские. Люди они были образованные, большие любители и знатоки книги. Сотни томов редчайших книг хранились в шкафах братьев. Мечтали они создать Публичную библиотеку. Иосиф-Андрей отдал для неё свой дворец, и в 1748 году библиотека была открыта. Когда же братья скончались, королю библиотека оказалась не очень-то и нужной. Книги расхищались, гибли.

Что и говорить, войну царской России с королевской Польшей справедливой не назовёшь. Но, взяв Варшаву, А. В. Суворов сделал и доброе дело — спас огромнейшую библиотеку Залуских. Заколотил книги в ящики и отправил на подводах до Риги, далее — по воде до Петербурга. Пройдёт много лет, народ России сметёт с престола царя и в 1921 году возвратит ценные книги польскому народу. А пока, в июне 1795 года, их просто сложили в одном из павильонов Аничкова дворца.

Разумеется, груда ящиков с книгами — это ещё не библиотека. Но появились они, и многие люди стали задумываться над тем, что хорошо бы прочитать эти книги, открыть к ним доступ. А там и ещё книжек собрать, расставить по полкам — всяк подходи и читай! Говорили об этом в доме известного мецената графа А. С. Строганова, составлял проект библиотеки В. М. Салтыков. В самом центре тогдашнего Петербурга — на углу Невского проспекта и Садовой улицы — зодчий Е. Т. Соколов в 1801 году завершил строительство большого здания будущего дворца Книги.

Рисунки В. Орлова

ВЕЧНАЯ ЖИВЁТ

Торжественное открытие Публичной библиотеки назначено было на 2 января 1814 года. На торжество съехалось более двухсот гостей. Были среди них поэт Г. Р. Державин, архитектор В. П. Стасов, художник О. А. Кипренский, учёный А. Х. Востоков. С речью к собравшимся обратился директор библиотеки Алексей Николаевич Оленин. Его сменил библиотекарь Красовский, затем слово было предоставлено другому библиотекарю — Н. И. Гнедичу. Завершил торжественное собрание И. А. Крылов, прочитав свою басню «Водолазы», написанную специально к открытию библиотеки.

Ещё в январе 1812 года А. Н. Оленин задумал привлечь к работе русского баснописца, просил за него у министра просвещения графа А. К. Разумовского, сообщая о Крылове, что это человек, «который известными талантами и отличными в российской словесности познаниями может быть весьма полезным для библиотеки».

Каких только легенд не рассказывали в свое время об Иване Андреевиче Крылове! И чудак-то он, и ленив, и сонлив изрядно! И книги-то выдаёт он лёжа, одним лишь пальцем указывая читателю, где какая книга на полке стоит. Но прошли годы, учёные переворошили немало документов Публичной библиотеки и доказали, что всё это не так. Работу Иван Андреевич Крылов проделал огромную!

Дежурить в зале приходилось два-три раза в месяц. Всё же остальное время Крылов посвящал тому, что ходил от одного книгопродавца к другому, заглядывал в частные библиотеки, просматривал каталоги новых книг, требовал у издателей обязательной присылки двух экземпляров каждой новой книги и жаловался, если они этого не делали. И находил редчайшие старинные издания! Всеми силами добивался, чтобы они попали в Публичку.

Когда И. А. Крылов в 1841 году уходил в отставку, число русских книг в Публичке приближалось к тридцати тысячам. И многие бумаги хранят запись: «Книгу по сему реестру принял библиотекарь, коллежский советник и кавалер Иван Крылов».

Только и это ещё не всё. Книги нужно было расставить по полкам. Каждую на своё место. Да так, чтобы найти книгу можно было легко и быстро. Значит, нужна какая-то система. И баснописец садится за составление каталогов. Он предлагает их сразу несколь-

ко: «Каталог по материям книг в азбучном порядке» (то есть по заглавиям книг), затем «Алфавитный каталог по именам авторов», систематический каталог, предлагает отмечать на карточках «адрес книги» — указывать полку, на которой книга стоит, требует: «Сии номера карточек должны оставаться единожды и навсегда непременимы». Вот тебе и «ленивый»!

В библиотеке И. А. Крылов работал, в ней же и жил. Почти тридцать лет поднимался он по узкой лестнице в своё неуютное жильё. Квартира его состояла из трёх комнат и кухни. Одна комната была почти пустая, другая вовсе пустая, в последней стояла за перегородкой кровать, а возле окна диван с небольшим столиком.

Библиотека постепенно накапливала и накапливала богатства.

Пополнила библиотеку удивительная коллекция Петра Дубровского. В 1789 году был он служащим русского посольства в Париже, и когда пала ненавистная французскому народу тюрьма Бастилия, уже на следующий день Дубровский пришёл к её стенам. Ветер кружил по мостовой листы бумаги, всюду валялись перевязанные шнурками пачки — тайны из тайн французского королевства! Не поленился в тот день Пётр Дубровский, нагружая мешки интереснейшими документами истории! Попала в его коллекцию переписка тюремщиков с королями, записки бастильских узников, противоправительственная литература Франции, изъятая при арестах. Из Парижа Дубровский едет в Брюссель, Гаагу, Гамбург. Его коллекция пополняется рукописями Эразма Роттердамского, Вольтера, Лейбница, Дидро. Жан-Жак Руссо дарит ему сочинения Тита Ливия в списке XV века. О книжных и рукописных богатствах Петра Дубровского говорят уже во многих столицах Европы. Англия предлагает ему огромные деньги за собранное. Но Дубровский отказывается от золота, свою коллекцию он везёт на родину, и коллекция тоже становится достоянием Публичной библиотеки.

И читателей в её залах всё прибавляется. В год открытия библиотеку посетили лишь 329 человек. Вскоре это число выросло до 900. А с 1852 по 1860 год читательских билетов было выдано больше, чем за все предшествующие десятилетия, вместе взятые.

В здание на углу Невского и Садовой начинают приходить книги из Англии, Франции, Чехии, Дании, Италии, Бельгии, США, Бразилии, Индонезии. Книгам уже становится тесно в старых стенах. Выдающийся русский архитектор Карл Иванович Росси пристраивает к старому зданию новый корпус. Теперь библиотека протянулась на 90 метров. Стены её украсили белоснежные колонны и статуи мудрецов древности.

Приходят работать сюда и новые люди. Полвека своей жизни отдал Публичке В. В. Стасов. Его товарищ по работе В. И. Соболевских о молодом Владимире Васильевиче Стасове заметил:

— Он одарён необыкновенным свойством: чем работа труднее, тем охотнее он за неё берётся.

Стасову поручили составить каталог отдела «Россика». Молодой читатель, ещё не служащий библиотеки и потому работающий бесплатно, берётся за этот огромный труд. Когда каталог был готов, в нём оказалось 18 000 названий, распределённых по сотням разделов!

Друзей у нового библиотекаря было не пересчитать! Спешат к нему в Публичку художники И. Н. Крамской и В. М. Васнецов, скульптор М. М. Антокольский и певец Ф. И. Шаляпин. Всем он нужен, необходим. Не только интересуется работой каждого, но и вовремя умеет подсказать, помочь. И. Е. Репину он подбирает необходимые материалы для создания картин «Запорожцы», «Садко», «Ца-

ревна Софья», «Арест пропагандиста». Композитору А. П. Бородину подсказывает замысел оперы «Князь Игорь».

С его приходом в библиотеке начинается скапливаться целое собрание запрещённой правительством печати: издания лондонской типографии А. И. Герцена, первые издания произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, листовки времён Парижской коммуны, журналы народников, первые номера ленинской «Искры».

Позже Алексей Максимович Горький скажет о В. В. Стасове: «Вот человек, который делал всё, что мог, и всё, что мог, сделал».

На фасаде библиотеки со стороны Невского проспекта висит мемориальная доска из серого гранита. Золотом выделяется на ней профиль Владимира Ильича Ленина. Надпись гласит: «В. И. Ленин был постоянным читателем Публичной библиотеки в 1893—1895 гг.».

Много было у Владимира Ильича друзей. Но самыми постоянными его друзьями всегда были книги. Есть сейчас в библиотеке зал, который называется Ленинским. В конце прошлого века он выглядел иначе. Не отдельные столики, а огромные длинные столы заполняли его. Найти кого-нибудь из читающих было нелегко. Владимира Ильича можно было узнать по солидным стопкам книг, лежащих рядом. Вспоминая о том времени, революционерка С. П. Невзорова-Шестернина писала: «Очень часто видела я здесь Владимира Ильича, который, окружив себя целой горой книг, много и усердно читал и главным образом писал. Из-за груды книг, бывало, виднелась только его голова с большим прекрасным лбом».

Но зачем же целая гора книг сразу? Чтобы её прочесть, нужен, наверное, не один день... Но в том-то и дело, что читал Ленин очень быстро. О. Б. Лепешинская вспоминала:

«Я невольно обратила внимание на то, что страницы в толстой книге, которую читал Ильич, перелистываются быстро-быстро. Я едва прочитывала в своей книге 5—6 строчек, а рядом Ильич уже перелистывал новую страницу. Методический шорох страниц непрерывно доносился до моего слуха. Я поглядела на раскрытую книгу в руках Ильича. Вижу — книжка иностранная.

— Владимир Ильич, — спросила я, — что вы делаете?

Ильич удивлённо поднял глаза:

— Как что? Читаю...

— Разве так читают? — сказала я. — Вы всё читаете или только просматриваете книгу?

— Конечно, всё, и очень внимательно.

— Но разве можно так быстро читать? — удивилась я.

— Вот оно что, — улыбнулся Ильич. — Вы правы: я читаю быстро. Но так надо, я себя приучил к этому. Мне необходимо очень много прочесть. Поэтому медленно читать мне нельзя...»

31 августа 1909 года в Публичную библиотеку на Nevsky Prospekt, дом № 37, пришла посылка из Женевы. Спустя день — вторая

посылка. Новые поступления регистрировали под номерами 1978 и 1984. В реестре указали имя дарителя: «Владимир Ульянов». В посылках же нашли 43 номера газет «Пролетарий» и «Рассвет», 38 брошюр и листовок. Ленин прислал их сюда, надеясь, что скрытые где-нибудь до поры до времени от читателей, эти издания всё-таки сохранятся для грядущих поколений, для истории революционной борьбы. И Владимир Ильич не ошибся: посланные им брошюры и газеты живут в Публичке и сегодня.

А едва победила Октябрьская революция, в залы, где когда-то сидел, склонившись над книгами, молодой Владимир Ульянов, пришли новые читатели. Уже в первые дни после восстания Ленин пишет записку «О задачах Публичной библиотеки в Петрограде» и открывает её такими словами: «Чтобы разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции, надо учиться».

Прошло несколько лет, и обширное здание библиотеки стало маловато: новые читатели всё шли и шли. На Московском проспекте, на набережной Фонтанки, на Моховой улице появляются филиалы Публички. Организуются передвижные библиотеки. Никогда раньше в Публичную библиотеку не ходили дети. Да она их и не приглашала — только с 18 лет! Но сыновья и дочери солдат революции тоже хотели читать и всё настойчивее стучались в библиотечные двери. А тут ещё по соседству открылся Дворец пионеров! И серьёзная, взрослая библиотека помолодела: в 1937 году она открывает во Дворце пионеров ещё один свой филиал, а потом зал детской литературы в самой библиотеке.

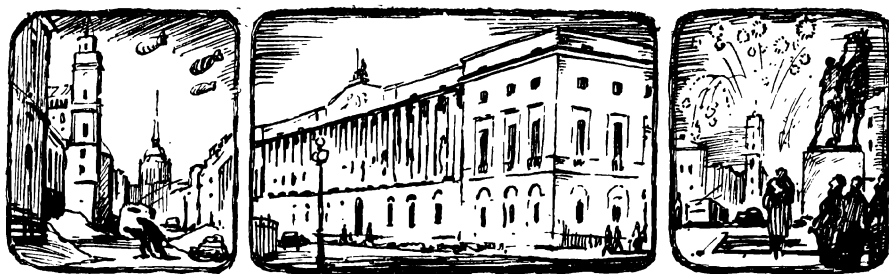
В 1932 году Государственной Публичной библиотеке было присвоено имя великого русского писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина, а семь лет спустя она была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Библиотека жила, радуясь притоку всё новых и новых читателей, но как ни толсты были стены её здания, а и сквозь них в воскресный день 22 июня 1941 года проникло грозное слово: «Война!» Опустели читальные залы. Город готовился дать врагу отпор. Готовилась и Публичка: 102 бойца составили её отряд местной противоздушной обороны.

Какой главный враг у книжек? Огонь. От него-то в первую очередь и предстояло защитить книги.

...Ночью на Садовой улице, угол Невского проспекта, остановилось несколько трамвайных платформ, груженных песком. На тележках свезли его во двор. А дальше — огромная живая цепочка сотрудников протянулась по коридорам и лестницам от земли до чердака. Колыхаясь, поплыли вверх тяжёлые вёдра. Более трёх тысяч кубометров песка подняли тогда под крышу здания защитники книг. Теперь, даже если фашистская «зажигалка» и пробила бы жёсть кровли, то угодила бы прямо в песчаную подушку. Это уже не так страшно. Стропила на чердаке покрыты специальным огнестойким составом. Во дворе наполнен водою небольшой бассейн. Ну а если на здание обрушится не «зажигалка», а снаряд? Или фугасная бомба? В первую очередь пострадают верхние этажи... Значит, книги нужно укрыть в подвалах!

Но это легко сказать, а попробуй перенести туда десятки тысяч томов, картотеки, эстампы, рисунки. Те, кто переезжал с квартиры на квартиру, знают: самое трудное — перевозить книги. Да и не могли поместиться в подвалах десять миллионов изданий. Но многие тысячи поместились. Их тщательно отобрали и перенесли туда всё те же героические женщины — труженицы Публички.

А во дворе тем временем стучали молотки. Самые ценные книги готовились в дальнейшее путешествие. Вечером 21 июля со станции Ленинград-Товарная тронулся в путь эшелон особого назначения. В сотнях ящиков лежали сокровища мирового значения. Ехали в глубь страны «Остромирово евангелие» и древнеегипетские папирусы, русские первопечатные издания, богатейшее собрание «Вольной русской печати», восемь тысяч томов личной библиотеки Вольтера, архивы Плеханова, Суворова, Державина, Глинки, старинные географические карты, стасовский фонд «Россика», первоиздания классиков марксизма-ленинизма.

Долог был путь эшелона. Закончился он за Волгой, в маленьком сплошь деревянном городке Мелекессе. Всего три каменных здания были в нём, и два из них — Дом учителя и Дом пионеров — приняли в свои стены богатства Ленинградской Публичной библиотеки.

Тем временем линия фронта придвинулась к Ленинграду. Засвистели над крышами снаряды. В одну из осенних ночей страшный взрыв потряс здание Публички. К счастью, фашистский пират промахнулся — бомба упала по ту сторону Екатерининского сквера.

26 января 1942 года было отключено электричество. По тёмным залам с выбитыми стёклами разгуливал ветер, заносил сюда хлопья снега. Но библиотека работала! Нет электричества — есть «коптилки» и фонари «летучая мышь». Холодно в залах, но можно согреть другие помещения: кабинет директора, комнату дежурного, столовую. Читатели-то идут. И тут многочисленные запросы по самым разным проблемам: нужны материалы о свойствах ладожского льда и расчёты его прочности, литература о строительстве переправ через мелкие реки, о прокладке дорог по болотам, о диких растениях, которые пригодны для употребления в пищу, о том, как самим сделать спички или кремни для зажигалок, о лечении тех или иных видов растений. И сотрудницы Публички с фонарями в руках шли в насквозь промёрзшие залы, перерывали груды книг, но всё же находили то, что сейчас нужно для защиты города и спасения людей.

Была у них и ещё одна забота. Снаряды и бомбы рушили дома ленинградцев. Гибли в огне пожаров книги — редчайшие собрания учёных, писателей, коллекционеров. И библиотекари покидали стены Публички, отправляясь в тяжёлые путешествия по улицам блокадного города к разрушенным зданиям, лазали по разбитым лестницам и спасали книги. Голодные, еле держащиеся на ногах, они везли на саночках к своей родной Публичке библиотеки академик Е. Бертельса и А. Пыпина, писателя Е. Замятина и переводчика Д. Выгодского, сотен других погибших или уехавших ленинградцев, чьи дома были разрушены бомбами.

А в марте 1942 года женщины Публички решили собирать всё, что печатает блокадный Ленинград: книги, газеты, афиши, листовки, плакаты, даже хлебные карточки и спичечные этикетки. Для будущих поколений. Для истории борьбы и победы. Для этого тоже приходилось ходить и ходить. Под артобстрелами и бомбёжками, по улицам, занесённым снегом до окон второго этажа. Часто отправлялась в такие походы по издательствам и типографиям Г. А. Озерова. Вот запись из её дневника от 15 февраля 1943 года: «С 10 до 11 утра дежурство по воздушной тревоге. С 11 до 12 — закуплено для коллекции 7 названий. С 12.15 до 13 — тревога по дороге в ТАСС. 12.45 — 22 обстрел. В ТАСС не могла добраться».

В ту страшную зиму от голода, холода, постоянных обстрелов и бомбёжек в библиотеке погибло более ста сотрудников. Но остальные работали. Продолжали отыскивать читателям необходимые книги, ломали на Большой Пороховской улице деревянные дома и умудрялись доставлять дрова на Невский проспект, нести дежурства на крышах и по весне вышли копать грядки под овощи.

Но весной начал угрожать книгам враг № 2 — вода. Она всё настойчивее подбиралась к шести тысячам ящиков каталога, лежавшим в подвалах. В результате перепадов температуры сырость проникла и в другие помещения. Но главное — надо было спасти каталоги. Ведь лишиться их — означало то же самое, что остаться слепыми. Без карточек каталога не найдёшь нужной книги, не выдашь её читателю. И голодные, истощённые люди понесли ящики с карточками наверх. Разбирали их, проветривали, сушили...

В октябре 1945 года в Ленинград вернулись книги из далёкого Мелекесса. Но ещё за год до этого, в последних числах октября 1944 года, многие ленинградцы получили приглашения такого содержания: «Уважаемый товарищ! Более трёх лет читальный зал Публичной библиотеки вследствие войны и блокады находился во временном помещении. 1 ноября Государственная ордена Трудового Красного Знамени Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина открывает вновь свой общий читальный зал. Дирекция библиотеки, извещая об этом Вас и Ваш коллектив, приглашает принять участие в торжественном заседании, посвящённом открытию читального зала».

Открытие читального зала Публички тоже было победой. Выстояла библиотека в огне войны! Прошла сквозь голод, холод, тысячи лишений и сберегла все свои богатства!

Сейчас их во много раз больше. Около двадцати миллионов книг, рукописей хранят сейчас стены прославленной библиотеки — второй по количеству собранного в нашей стране, одной из пяти крупнейших библиотек мира. Более пяти тысяч читателей ежедневно приходят в её залы. И каждый день почта доставляет сюда всё новые и новые издания. И старые тоже. Публичка обменивается книгами почти с тремя тысячами других библиотек и учреждений, находящимися более чем в ста странах мира. На её полках стоят книги на 89 языках народов СССР, у сорока этих народов до Великого Октября ещё не было своей письменности.

Идут в библиотеку седовласые учёные и юные школьники, студенты и рабочие, писатели и офицеры, инженеры и агрономы. Для всех она стала необходимой. Ведь ещё Алексей Максимович Горький писал: «Две силы наиболее успешно содействуют воспитанию культурного человека: искусство и наука. Обе эти силы соединены в книге».

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ!

Алексею Шевченко 28 лет. Он работает слесарем на заводе «Хронотрон», вместе со своими товарищами выпускает электронные приборы для измерения времени. Даже Олимпиада-80 не сможет обойтись без них. Все часы на стадионах и в спортивных залах будут показывать абсолютно одинаковое время благодаря этим приборам. А стихи для детей Алексей Шевченко пишет вечером, после работы.

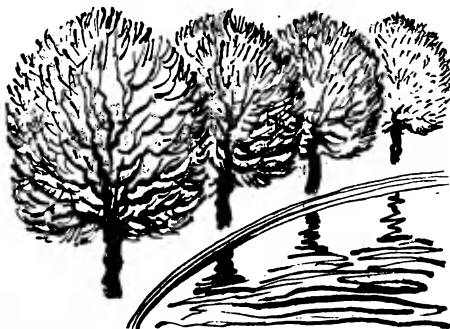
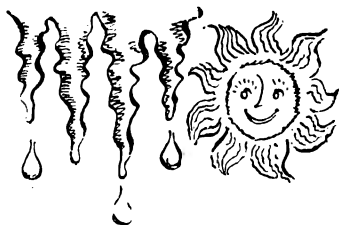
А. Шевченко был участником XV конференции молодых писателей Северо-Запада. В «Искорке» печатается впервые.

Алексей ШЕВЧЕНКО

Рис. Моисеевой

ЗИМЕ КОНЕЦ!

*Сосулька — звонкий леденец —
Вниз головой висит с балкона.
Её лизнуло солнце удивлённо,
Не веря, что зиме конец!*

ВЕСЕННЯЯ ПАРИКМАХЕРСКАЯ

*Садовые ножницы
Вместо машинки
Деревьям ровняют
Большие загылки.
И, как новобранцы,
Подстриженным строем
Стоят они, ёжась,
Дождливой порою.*

ВЕСЕННЯЯ ПРИМЕТА

*От зимнего холода
Прятались робко,
Может, в корзине,
Может, в коробке.
Может быть, где-то
В уютном подвале
Они с нетерпеньем
Весну ожидали.
И вдруг появились:
На лбу у Серёжи,
У меня на носу,
На щеках у прохожих!
Даже у деда
На лысой макушке
Дружною стайкой
Расселись... веснушки!*

НИКА

Глава 5. КОЛЕСО ФОРТУНЫ

Зачем я взял эту бронзовую женщину домой, я и сам не знал. Мне почему-то хотелось поскорей поставить её на стол и долго-долго на неё смотреть.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 1.

Дома оказался только папа.

— А, Митя, хорошо, что ты пришёл,— сказал он.— Я тут совсем один заскучал. Ты в гостях, мама по хозяйству куда-то ушла.

Папа единственный человек, который почему-то зовёт меня Митей. Однажды я спросил его об этом. «А тебе разве не нравится?»— ответил он. «Нравится,— сказал я.— Только ведь все меня Димой зовут».— «Ну вот, поэтому я и зову тебя Митей»,— сказал папа.

— Смотри, что я принёс,— сказал я и поставил на стол бронзовую женщину.

— Откуда это у тебя?— удивился папа.

— Да так, случайно.

— Вот те на! Такая красота — и случайно.

Папа принялся рассматривать статуэтку, и я сразу понял, что она ему здорово понравилась.

— Митька, а ты знаешь, кто это?— спросил папа.

— Не знаю,— честно признался я.

— Это Фортуна. Древнеримская богиня судьбы и удачи. Видишь, она держит в руке рог — рог изобилия. А посмотри внимательно, на чём она стоит.

— Колесо вроде какое-то.

— Верно. Это колесо Фортуны. В древних мифах говорилось, что когда колесо Фортуны поворачивается, то кому-то вдруг улыбнётся счастье. А для кого-то, наоборот, беда приходит. Конечно, это красивые старые сказки. Но не будь этих сказок, не было бы и этой замечательной фигурки, и ещё многих-многих прекрасных вещей. Да и сами мы были бы другими.

— Жаль, что рука отбита,— сказал я.

— Жаль, конечно,— сказал папа.— Но не беда. Знаешь, в парижском музее — Лувре — хранится одна древнегреческая скульптура из мрамора. Ника называется. В греческой мифологии — богиня победы. Так вот, у этой скульптуры нет обеих рук и даже головы. Только торс и крылья. Но люди со всего мира приезжают в Лувр, чтобы посмот-

реть Нику. Представляешь, как сделал её древний скульптор, если люди продолжают ею восхищаться!

— А разве нельзя к ней новую голову и руки приделать, раз она такая красивая. Взять там всякие древние рисунки, скульптуры и сделать что-то похожее.

— Всё можно,— сказал папа.— Но это будет уже другая скульптура. Понимаешь, другая.

— А вот, папа, почему про одного человека говорят, что он красивый, а про другого — нет? Чем же тот, который некрасивый, хуже?

— Ничем, разумеется, не хуже,— сказал папа.— А может и во сто крат лучше. Поэтому и существует ещё понятие «прекрасный». Злого, дурного человека мы никогда не назовём прекрасным, будь он хоть писанным красавцем. И в то же время человек внешне некрасивый может быть прекрасным. Прекрасным своими человеческими качествами, душой своей. Понимаешь?

— Ага. Значит, прекрасными мы можем только людей называть? А скульптуры, картины и всякие другие вещи — они просто красивые. У них ведь нет души?

— Вот тут ты ошибаешься,— сказал папа.— Настоящие произведения искусства всегда прекрасны. Конечно, у них нет души. Или, как пишут в ваших учебниках по русскому, они предметы неодушевленные. Но это только формально. Не забывая, что все эти картины, скульптуры создают люди. Причём люди талантливые или даже гениальные. Значит, вещь, которую мы считаем прекрасной, уже не просто кусок холста или глыба мрамора. В ней мысли и чувства человека, сделавшего её. А ведь мысли и чувства — это, наверное, и есть душа. Выходит, Фортуна твоя, — папа дотронулся рукой до статуэтки, — не просто сплав меди с оловом. Она вроде как живая. Только надо это суметь увидеть. А то бывают такие «ценители» красоты, которых в шпиле Адмиралтейства больше всего поражает количество золота.

Папа замолчал. А я — легонько,

так же, как он, дотронулся рукой до Фортуны и сказал:

— А всё-таки хорошо, если прекрасный человек ещё и красивый. Ведь правда, папа?

Папа засмеялся:

— Ну, конечно, хорошо. Разве я спорю.

Потом я рассказал ему про мужчину, который отдал нам статуэтку. Папа до слёз смеялся:

— Вот уж действительно — колесо Фортуны.

Глава 6.

«ЗА ЧТО МЫ ЛЮБИМ ПРИРОДУ»

На другой день, когда я пришёл в школу, в нашем классе висел листок «молния». На нём был нарисован тощий человечек с плаксивым лицом. Под ним подпись: «Дима Титов прославиться решил — за день четыре двойки получил». В общем, скучно придумали. А стих просто глупый. Я бы не так нарисовал. Я бы, например, изобразил Фортуну, которая сыпет на мой дневник двойки и колы. И то интереснее.

На перемене я подошёл к Ленке Субботиной, нашему редактору, и прямо так сказал:

— Что же вы такую скучную карикатуру повесили? Никто даже не смотрит и не смеётся. Это же сатирический листок! Сатира должна разить. И жалить.

— А ты лучше нарисуй, — вдруг набросилась на меня Ленка. — Ругать каждый может, а делать никто ничего не хочет. Когда меня в редакторы выбирали, все кричали: «Поможем! Рисовать будем, заметки приносить». А теперь вырезку из журнала не допросишься. Вот тебе не нравится, возьми и нарисуй лучше. Я тебе и бумагу дам, и карандаш. Хочешь — краски?

— Тащи, — сказал я.

Ленка уж было за бумагой пошла, но тут я опомнился:

— Э-э, нет. Ничего не выйдет. Что же это получается? Я сам на себя карикатуры рисовать буду? Сам-себя разить буду?

— Ну вот. Ты себя рисовать не хочешь, другой, говорит, занят. И так все. Может, всё-таки нарисуешь, а? Ты никому не говори, что сам рисовал. И я никому не скажу.

В другой раз я бы, конечно, не согласился. Ещё чего! Шаржи на самого себя! Но больно мне идея с Фортуной понравилась. Жаль, пропала идея. И я согласился.

На следующей перемене в классе висел новый сатирический листок. Как у меня сама богиня получилась, судить не берусь. На всякий случай я написал ей на лбу: «Фортуна». А вот колесо и рог изобилия с двойками вышли здорово. Ребята окружили листок, смеялись и на меня поглядывали. Если бы кто другой эту карикатуру нарисовал, мне бы не по себе было. Ведь надо мной же смеялись. А так ничего. Даже приятно было. Меня так и подмывало сказать, что это я и нарисовал. Но я промолчал всё-таки и никому не сказал. Кроме Мишки, конечно.

А когда началась литература, я сидел и подумывал, как бы мне не пришлось ещё одну двойку на своей карикатуре пририсовывать.

Мария Николаевна сказала:

— Я проверила ваши домашние сочинения на тему «За что мы любим природу».

Сердце у меня ёкнуло. Сочинение я не сдавал.

— В целом я довольна,— продолжала Мария Николаевна.— Много интересных, вдумчивых работ. Правда, не обошлось и без курьёзов. Саша Лобанов пишет: «Мы любим природу за то, что она очень полезна. Например, из неё делают бумагу, а из бумаги — книги, тетради и дневники...»

Хохот в классе стоял невообразимый. Все, наверно, пытались представить, как Сашка делает из природы дневники.

— Тихо; успокойтесь. Очевидно, Саша, мы всё-таки делаем бумагу из древесины. Потом разве природа — это только деревья? И самое главное, разве мы любим деревья только за то, что их можно спилить и сделать бумагу? А вот сочинение Лены Субботиной. Очень толковая работа. Да, Лена тоже пишет и о бумаге, и о полезных ископаемых, и о богатстве морей и океанов. Но она не забывает об эстетической

ценности природы, о её красоте. Поэтому мы должны любить природу и относиться к ней бережно. Как говорится, все мы дети природы.

Потом Мария Николаевна ещё долго говорила о нравственности и о значении природы в творчестве великих писателей, а я уже начал подумывать, что, может, она и не заметила отсутствия моего сочинения. Но зря я так подумал. Мария Николаевна вдруг перестала говорить о нравственности и сказала:

— Между прочим, Титов, почему у меня нет твоего сочинения? Ты что, не сдавал?

«Профессиональная память», — подумал я и, вздохнув, сказал:

— Не сдавал.

— Почему?

Тут я решил, что терять мне нечего, двойка обеспечена, и заявил:

— Потому что нельзя так спрашивать: за что мы любим природу? Любим, и всё тут. Ни за что. И писать тут нечего.

— Так, так.— Мария Николаевна сняла очки и протёрла их платочком.— Значит, твои товарищи нашли, что писать, а тебе писать нечего. Ты, выходит, умнее всех.

— При чём тут умнее. Просто нельзя любить за что-то. Это всё равно как если мы спросим: за что мы любим маму? А потом напишем, что маму мы любим за то, что она стирает нам штаны, варит обеды и даёт на мороженое. Значит, можно даже и плакат повесить: «Любите маму и относитесь к ней бережно!» Висят же такие плакаты про природу.

Тишина в классе подводная повисла. Все сидят и ждут, что будет. Я стою и тоже жду.

Мария Николаевна молчала несколько секунд, а потом вдруг сказала:

— Ну вот взял бы и написал всё, что ты тут сейчас говорил. Почему же ты этого не сделал?

Я пожал плечами и ничего не ответил. А Мария Николаевна надела очки и спокойно сказала:

А. ШКЛЯРИНСКИЙ

Ковбой

Его зовут у нас ковбоем.
Он, точно, вылитый ковбой.
Столовую штурмует с боем,
Сметая всё перед собой.
Ему дружки не возражают,
Они в ковбоя влюблены,
Они ковбою подражают
(Но как-то всё из-за спины).
И даже Воронова Оля,
Насмешница и егоза,
Героем назвала ковбоя
И опустила вдруг глаза.
Нет, я не сдамся добровольно,
Мы будем драться! Пусть побьёт...
Быть может, Воронова Оля
Хоть что-нибудь тогда поймёт.

Рис. Г. Ясинского

— Откройте тетради и запишите число. Сегодня двадцать пятое октября.

Двойку она мне так и не поставила.

Глава 7.

НИКА

— Значит, так,— сказал Мишка, когда мы вышли из школы.— Иди бери ключ от гаража, а я домой за бамбуковыми палками. Встречаемся через двадцать минут около гаража.

И тут за своей спиной я услышал:

— Привет.

Я обернулся. Передо мной с портфелем в руках стояла Вера.

— У вас тоже пять уроков было?

— Пять,— сказал я.

— Ты куда сейчас? Не хочешь немного погулять?

Я растерянно посмотрел на Мишку.

— Родственница? — спросил он.— Ну, я тогда пошёл.

— Постой,— сказал я.— Сейчас вместе пойдём.

— Ты торопишься? — спросила Вера.

Я не знал, что отвечать, и беспомощно пожал плечами.

— Ладно,— сказал Мишка.— Трубки я сам распилю. Но ты быстрее давай. Вечером опять по квартирам пойдём.

И Мишка потопал домой.

— Ну, куда мы пойдём? — спросила Вера.

— То есть как это куда? — удивился я.— Разве мы куда-нибудь собирались?

Но напрасно я хорохорился. Раз уж я остался и не пошёл с Мишкой, значит, ясно, что я согласен гулять и пойду куда угодно.

— Вот что,— сказала она.— Пойдём на Ждановку. Я тебе нашу лодку покажу. Между прочим, папа её моим именем назвал.

— У вас лодка есть?! Здорово! С мотором?

— С мотором. Но сейчас мы уже не катаемся. Холодно. А лодка на берег вытащена,

На Ждановке было хорошо. День стоял солнечный, прозрачный и даже чуть-чуть морозный. Деревья в парке на другом берегу совсем пожелтели, притихли, а вода в реке сделалась тёмной и как будто остановилась. Большинство лодок было уже на берегу. Огромные корабельные шлюпки и маленькие пластмассовые катера, глиссеры и катамараны и ещё много всяких диких лодок, разноцветных плавсредств — все они грустной пёстрой лентой далеко тянулись вдоль берега.

А каких только названий не было на лодочных бортах! «Ну, погоди!», «Джек-Потрошитель», «Лунатик», «Чебурашка» и даже «Валерий Харламов».

— А вот и наш корвет,— сказала Вера, останавливаясь около небольшого белого катерка, поднятого на деревянные козлы.

— Хороший корабль,— сказал я.— И рубка есть.

Я стал обходить катер вокруг и вдруг так и застыл. На борту крупными синими буквами было написано: «НИКА».

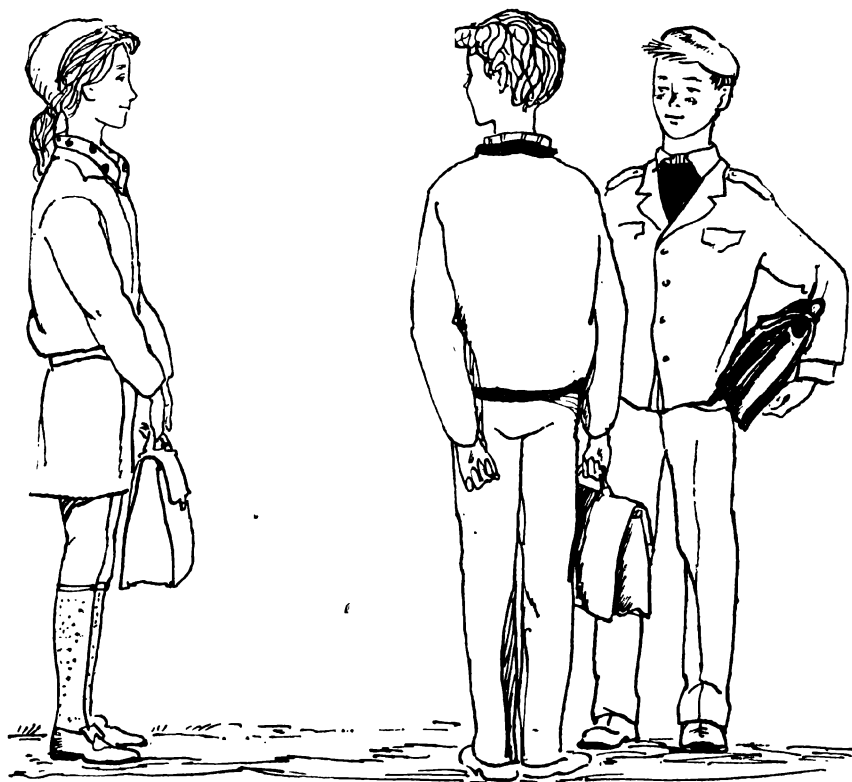
— Ни-ка,— прочитал я в растерянности.— Но ведь ты сказала, что катер твоим именем назван?

— Так и есть,— засмеялась Вера.— Моё полное имя Вероника. Но это длинно, и все зовут меня Вера. Хотя это и неправильно, потому что сокращённо от Вероники будет как раз Ника. Один только папа меня так зовёт.

Тут я сразу про греческую скульптуру вспомнил, о которой мне папа рассказывал.

— Знаешь,— сказал я,— в Париже есть такая статуя, тоже Ника называется. Она у них на самой главной площади стоит. Так вот по этой площади даже машины не ездят, потому что там всегда полно народу. Со всего мира люди приезжают.

Вера хотела мне что-то ответить, но в этот момент из сторожевой будки вышел старик в изломанной фетровой шляпе и в потёртой зелёной курточке.

— Здрасьте, дядя Гриша,— сказала Вера.

Старик приветливо закивал головой.

— Гуляем. Это хорошо. Денёк сегодня замечательный. А красотища-то какая, а? Просто диву даёшься. Смотришь вот на всю эту сервировку и думаешь: это ж надо, какая метаморфоза получается! Не съешь вроде ничего и не выпьешь, а всё равно глядишь и оторваться не можешь. И если есть в тебе какая-то злость там или обида на кого, так оно вроде и проходит. Верно я, молодые люди, говорю!

— Верно, дядя Гриша,— сказала Вера.— Только при чём тут сервировка?

Старик засмеялся:

— Ну, это я, натурально, пошутил. Профессия моя всё даёт себя знать. Я ведь без малого пятьдесят

шеф-поваром отработал. Лучшие рестораны за честь почитали меня в штате иметь. Люди, которые толк в кухне понимают, специально ко мне поужинать приходили. Они не говорили, что идём, мол, сегодня в «Донон», а прямо так и заявляли — идём сегодня к Григорию Афанасьевичу на ужин. У меня каждое блюдо — искусство было, ренессанс! Я вам так обыкновенную чихиртму приготовлю, что вы осетрины заливной не захотите... Да. Ну, потом старый стал. Работать как раньше, натурально, не мог. Пошёл в диетическую столовую. Полегче всё же. Но и там всё покрасивее хотел делать, чтоб у людей сперва глаз радовался, а уж потом желудок. А директорша тамошняя — с высшим образованием женщина — всё мне про калории твердила. «Вы,— говорит,— Григорий Афанасьевич, перестаньте

мне тут живопись разводить. У нас главное, чтоб калории соблюдались и чтоб белки и жиры по реестру совпадали. Наша столовая диетическая, а не ресторан восточной кухни». Будто диеты уже не люди. Обозлился я как-то и говорю: «Вы,—говорю,—свои калории шприцем в филейные места втыкайте. А люди хотят, чтоб красиво было. Они тогда и здоровыми скорей станут...» Ушёл я оттуда. На пенсию. Ну, поначалу, натурально, скучал без работы-то. Потом сюда в сторожа подался. И вот ничего, привык. Нравится даже. Уж больно красиво вокруг, душа радуется. По ночам только всё снится, что у меня фрикасе подгорает. Или вот дождь по моей будке шуршит, а мне всё кажется, борщ выкипает.

Мы засмеялись. И дядя Гриша тоже засмеялся, а потом сказал:

— Вы на той неделе приходите, во вторник. Я пироги с грибами принесу. Вы таких никогда не ели, поверьте старику.

— Придём,—сказал я.— Обязательно придём.

Мы перешли через мост и вышли к Петровскому озеру.

Летом, когда погода хорошая, тут всегда полно народу. Прямо как в Крыму. Вода в озере хорошо прогревается, не то что в Неве. Вокруг песочек жёлтый, тенты от солнца, даже станция спасательная есть. В общем, пляж что надо.

Сейчас тут было совершенно пусто. Только по песку у воды бродила смешная рыжая собака.

— Какой потешный пёс,—сказала Вера.

Она подбежала к собаке и, присев на корточки, стала её гладить. А я остался стоять. Я стоял и смотрел по сторонам и вдруг как-то всё увидел сразу: и круглое тихое озеро с плавающими по нему листьями, и жёлтые деревья вокруг, и Веру с рыжей собакой на жёлтом песке. Я даже луну видел, непонятно откуда взявшуюся на совершенно синем небе! И я вдруг подумал, что, когда я буду лететь на нашем дельтаплане, то обязательно всё это снова увижу, даже если полёт будет совсем-совсем в другом месте, далеко отсюда.

Потом мы шли назад, и Вера вдруг спросила:

— А что, красивая эта Ника? Та, что в Париже на главной площади стоит.

— Не знаю,—ответил я.— Говорят, ничего. Мраморная.

— А я?

— Что ты?

— Я тебе нравлюсь?

Я посмотрел на Верино лицо, прикидывая, поместится у неё между глазами ещё один глаз. Я даже хотел уже рассказать ей про этот третий глаз, чтобы её посмешить. А потом вдруг взял и, сам не знаю почему, сказал:

— Нравишься.

— Это хорошо,— сказала Вера.
— Что хорошо?
— Хорошо, что ты так сказал. Не постеснялся. Всегда почему-то стесняются друг другу хорошее говорить.

Я не ответил. Зачем об этом долго говорить? Я посмотрел на чайку, легко скользившую над водой, и спросил:

— А вот как ты думаешь, люди научились летать?

— Летать? — переспросила Вера. — Конечно. Я даже знала, кто первый летал на самолёте. Но сейчас забыла. Братья вроде какие-то.

— Братья Райт,— сказал я.— И всё-таки летать люди не умеют.

— Не выдумывай. Я сама два раза летала — в Сочи и ещё на Украину.

— Ну и что. Вот если человек на пароходе плывёт, можно сказать, что он плавать умеет? Человек этот? Да, может, он ванну до краёв налить боится. Может, он через мост со спасательным кругом ходит. Значит, плывёт-то пароход, а человек наш в каюте «Крокодил» читает. Так и с самолётами. Самолёт летит, а ты сидишь и носки вяжешь или даже спишь. И это, по-твоему, лететь? Да это всё равно, если я на магнитофон запишу, как твои Кира-Ира «Спящую красавицу» играют, а потом включу и всем говорить буду: «Слушайте, как я хорошо играю. Сразу четырьмя руками». А на самом деле я чирик-пырик от «Лунной сонаты» отличить не могу.

— Конечно,— сказала Вера,— человек не может летать, как птицы. У него ведь нет крыльев.

— Нет,— сказал я.— Но их можно сделать! И такие крылья уже делают. Вернее, одно крыло, похожее на греческую букву дельта. Поэтому его называют дельтаплан. Представляешь, забираешься на гору, разбегаешься и...

Я взялся за воображаемую трапецию, разбежался и... Хорошо, что внизу у воды какой-то мужчина вошёл со своим катером. Он успел схватить меня за шиворот.

— Тихо, друг. Ты забыл свой водолазный костюм.

Я выбрался наверх. Вера стояла, обхватив ладонями лицо.

— Ненормальный! Ты же чуть не свалился.

— Ерунда. Я плавать умею,— сказал я, хотя плюхнуться в одежде в ледяную воду мне не очень-то хотелось. Да и без одежды тоже. Я ещё раз посмотрел на чёрную воду и сказал: — А если б я с дельтапланом побежал, я бы уже вон там, над рекой, летел, представляешь?! Такую вот штуку мы с Мишкой и хотим сделать. У нас уже и трубки для каркаса есть, и, как соединить их, мы придумали. Только вот с парусом заминка. Ткань «болонья» нужна. Мы хотели старых плащей набрать, чтоб из них парус скроить. Но пока не вышло. Не дают люди плащи.

— А сколько вам таких плащей нужно?

— Ну, штук десять, наверное, хватило бы. Точно мы и сами не знаем. Я двоюродному брату в Николаев написал, чтоб он все размеры прислал, чертежи. Он в аэроклубе занимается, наверняка знает. Мы подошли к Вериному дому.

— Ну, пока,— сказал я.— Мишка, наверное, меня уже совсем заждался.

— До свидания,— сказала Вера. В дверях своей парадной она обернулась и сказала:

— А с Никой ты хорошо придумал. Красиво. Правда, было бы здорово, если б она на главной площади стояла, а не в музее. И чтоб голова и руки целы были.

Рис. П. Вискова

(Продолжение следует)

Весна — самое быстрое время года. Каждый день новые события. И мартовские события совсем не похожи на апрельские, а апрельские — на майские.

Март. Сверкучее солнце, полыхающие снега, синие тени.

Апрель. Тёплые опушки, мягкий воздух, рыжие проталины, первые цветы.

Май. Гром птичьих голосов, гудение пчёл, липкие прозрачные листья, сверкание воды.

Днём уже тепло, а ночью позванивает мороз. Солнце вытаскивает весну из-под снега, а перелётные птицы несут весну с юга. Прилетели грачи и принесли первые проталины, прилетели утки и растопили льды, прилетели кукушки и окутали берёзы зелёной дымкой.

Последняя метель, последний снег, последние сосульки. Первые цветы, первые бабочки, первые комары-толкуны, первые листья, первый дождь, первые песни птиц.

Ну и силища у этого солнца! Топит, греет, сушит. Радует и веселит.

Всё есть у тебя: ноги, чтобы идти, уши, чтобы всё слышать,

глаза, чтобы всё увидеть. И голова — чтобы всё понять.

* * *

Утром на ёлках — на самых маковках! — расселись сороки. Словно лес выдвинул маленькие телевизионные антенны. Сороки принимали последние новости. Так в деревнях по утрам выглядывают в окна хозяйки: что приключилось за ночь? Что было, что есть, что будет? Какая будет погода, кто, куда и зачем пошёл, какой кому сон приснился?

И сороки на еловых маковках вполголоса переговариваются. Ночь тихая удалась, как-то сложится день?

И день сложился недурно.

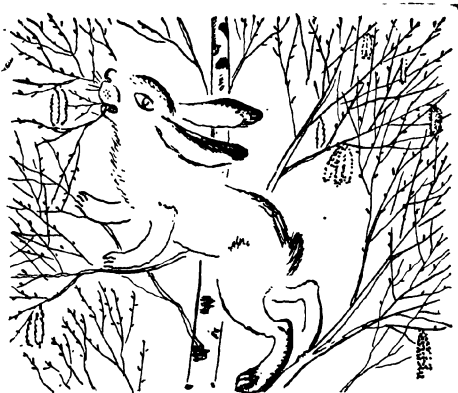
Вечером раскалённое докрасна солнце багровой глыбищей опускалось на край заснеженного болота. Вот коснётся, вот закипит и забурлит под ним снег и пар закружится шипящими облаками! Но всё обошлось. Снег лишь чуточку покраснел, да вспыхнули за болотом медные сосны.

Сороки снова сидели на ёлках и тихо переговаривались.

* * *

Ёлки зелёные, от комля до маковки праздничные! На маковках овсянки сидят и свистят. А прямо под ними гирлянды шишек висят с растопыренными бронзовыми чешуйками. Как раскрытые ларцы и шкапулки. И сыплются из них драгоценности — еловые семена!

Каждое семечко — новая ёлка, каждая шишка — будущий ельник. Всю зиму ёлки лелеяли свои шишки-ларцы, берегли их, баюкали, на ветру качали, подставляя солнцу, даже напевали им что-то хвойным тягучим голосом. И хоть мороз леденел, снег в дугу гнул, вихри ветви выкручивали — уберегли. А вот пригрело весеннее солнце, ёлки оттаяли, разомлели, шишки высохли и раскрылись — посыпал еловый дождь!

Шишки потрескивают, пощёлкивают; семена высыпаются, летят, рассеиваются. Еловый посев, посевная страда. Ельники праздничные от комлей до мавок. А на маковках овсянки на весь лес свистят.

* * *

Стоит голая ещё берёза, тонкая и высокая, а вся макушка её оглодана зайцами! Поди узнай, как они добрались туда. И начинают гадать: есть-де в лесу заяц такой — лазун. Все зайцы скакуны, а этот — лазун. Словно белка, лазун лазает по деревьям. И оглаживает макушки. А кто не верит — смотрите сами. Вот берёза — вся маковка зайцем оглодана.

И я готов поверить в диковинного лазуна-зайца, но я уже знаю, что всё не так. Мокрый тяжёлый снег согнул берёзу в дугу, уткнув её маковкой в снег. Примёрзла берёза макушкой да так всю зиму и простояла. И оглодали тогда зайцы её густые ветки. А весной снег растаял, макушка вытяла, и берёза снова разогнулась и выпрямилась. Поди узнай, как это зайцы сумели маковку оглодать.

* * *

Ничего не происходит вокруг. Голое дерево, голый куст. Волглый снег, мокрые прутья. Всё неподвижно, всё спит. А говорят, что пришла весна, что весна принялась за дело. А где она, та весна?

Ну, сорвётся с дерева снега ком. Ухнет, осев, на болоте снег. Вздогнет и распряжится согнутый пруттик. Шлёпнет набухшая капля. Вечернее колющее солнце щурится уже сквозь лесной частокол — кончается ещё один день весны. А её и не видел никто!

Впрочем, столкнул же кто-то с дерева снег. Расколол кто-то лёд на болоте. Прут распрягнул, каплю стряхнул. Подкрасил лиловым ольшаники, подзеленил осинники. Не само же всё по себе? Это дело весны, это её шаги по лесам.

* * *

Ночью накатывались на лес тяжёлые волны сырого южного ветра. Вот эта волна, что только что обрушилась на сосну, да так, что шелуха с неё посыпалась и заскрипели сучки, не так уж давно перехлестнула через гребни далёких гор, прокатилась по бескрайним степям, завывая в трубах и проводах, закручивая жгутами смерчи, барабанив в окна и двери. Ворочала грозные тучи, торопила птичьи стаи, разносила запахи цветущих садов, замешивая их на вешних водах. Не так уж давно ей, волне, кланялись бананы и пальмы, как теперь поклонилась вот эта сосна.

Я стою под сосной, как под мачтой с зелёными парусами, и несусь сквозь пространство и время.

* * *

Снег в лесу стаял почти, а на лесных тропинках заголубел лёд. За зиму снег на них утоптал, а теперь он оледенел, остекленел — хрустит и позванивает под ногой. Лазоревые ледяные тропинки ведут теперь в лес.

По сторонам бурая ветошь, всклокоченные кочки багульника, пласты подсохшей и скользкой хвои, упругий седой

ягель. И ты идёшь по тропинке, как по канату. Идёшь, а ноги соскальзывают, круша с хрустом ледяные фестоны. И лучше бы без тропы идти — но привычка! Зима приучила к набитым тропкам.

Тихо попискивают синицы, дятел шуршит, сбивая с сосны чешуйки, мокрый ветер в хвое шумит. А голубая тропинка тебя ведёт и ведёт.

* * *

Птицы возвращаются с юга! Тороплюсь на крыльцо: увидеть, услышать, — целую зиму

не было. Ага, трелька жаворонка, свист дрозда. Так и запишем: жаворонок и дрозд. Ого, никак весничка? Что-то уж больно рано. И голоса иволги, чечевицы! А эти откуда? Это же наши самые поздние птички! Что-то, наверное, тут не так...

Конечно, не так! Сидит на берёзе один скворец и свистит на разные голоса. Чечевицей и иволгой, дроздом и весничкой. Весну торопит, обманщик.

* * *

Вчера из лужицы рядом с сугробом высунулось что-то буренькое и непонятное. А сегодня это «что-то» превратилось в цветок! Первая мать-и-мачеха. Первая, а уже копошится в ней муха, а рядом порхает крапивница. Паучок какой-то шевелится, спешит голодная пчёлка. И кто бы ни шёл мимо — непременно остановится и посмотрит. Один цветок всего, а скольких радует!

* * *

Грибной дождь, грибной дождь! А послушай-ка про грибной... снег! Конец апреля выдался ясным и жарким. На буграх, вырубках и опушках шуршала жёлтая сухая трава, подсохшие листья взлетали от ветра, как бабочки. На земле можно было сидеть и лежать; даже одежда не отсыревала. И потому, наверное, не было ни строчков, ни сморчков. Хоть бы дождик грибной смочил! Но смочил землю не дождик, а снег! Надвинулась туча, и по-

летели пухлые и густые снежинки. Побелела земля.

А утром снова пригрело солнце, и снег потёк. Осел, размягчел, расплзся. И скоро белые вырубki и опушки вновь потемнели, а потом нагрелись и запарили.

И когда я через день шагал по ним, жухлая трава уже не шуршала, старые листья не взлетали из-под ног бабочками. Но зато появились строчки! Сморщенные их бурые шляпки были разложены вдоль тропы, как шоколадный зефир. И своим рождением они обязаны были грибному... снегу.

* * *

На рассвете на моховое болото пришел Дед Мороз. Видеть не видел, но хорошо слышал, как бродил он не спеша по обочине, постукивая клюкой и вздыхая. А потом утих — присел, наверное, перед дальней дорогой на север. На восходящее солнышко напоследки решил посмотреть, — на дальнем севере-то у него оно будет незаходящим.

Солнце сейчас на восходе само на себя непохоже. Огромное и багровое, чудо-юдом горбатым поднимается оно из-за синего леса. И можно на него смотреть и не жмуриться — как зимой. Это-то, наверное, и манило Деда Мороза — любимую зиму напоминало.

Вышел он ещё в темноте. Лес вокруг мохового болота стоял по пояс в тумане, а между всклокоченных кочек матово сиял зелёный лёд. И слышу — идёт!

Ломится по звонкому льду напрямик, без опаски, как лось длинноногий. Словно по стеклянному парнику сапожищами топает, стёкла крушит. Ближе, ближе — вот сейчас выйдет из-за крайних сосёнок. И увижу его заиндевелую бороду и зелёные льдинки глаз. Нет, не вышел: остановился за сосёнками и ждёт. И тянет холодом от его дыхания. И лёд хрустит — это он с ноги на ногу переминается. А может, на кочку сел.

На восходе вдруг опять захрустело, защёлкало, зауhalo — встал, наверное, с кочки, разминается. На заиндевелой кочке и Морозу долго не усидеть! А может, спина замлела или нога затекла. Покряхтывает, суставчиками похрустывает, притопывает, ворочается. Глухо ухаёт лежалый снег, и лёд пощёлкивает.

Паутиной липнет на щёки, на

ветки утренний иней. Трава и деревья обрастают белым ворсом. Белые кочки упругие, как резиновые. Вдыхаешь, а в тебя не воздух, а ледяная вода вливается. Скорее бы солнце взошло!

Взошло, а теплее не стало. Белое всё, всё искрит. Снова всё, как зимой, и незачем Деду Морозу подаваться на север.

Нет, пошёл! Не верит апрелю, знает — зиме конец. Пошёл, хрустя и звеня, шумно и не таясь, но всё так же невидимо. И кряхтит, и охает, и вздыхает. Всё дальше, всё тише — и смолк.

На темнотырьке в апреле и в самом деле на болота выходит мороз. И оседает, кряхтя и ухая, снег, и лёд трещит, как под сапогами. И это не сказка, всё так и есть. Или всё-таки сказка?..

Рис. Л. Коломеецовой

Рис. Л. Московского

В. ГАНСКИЙ

Упрямая дочка

*Жила вместе с мамой
Упрямая дочка.
Упрямо сама надевала чулочки,
Упрямо сама шнуровала ботинки,
Упрямо с утра заводила пластинки.
Дома полы натурала упрямо.
Упрямецца стала помощницей
мамы.*

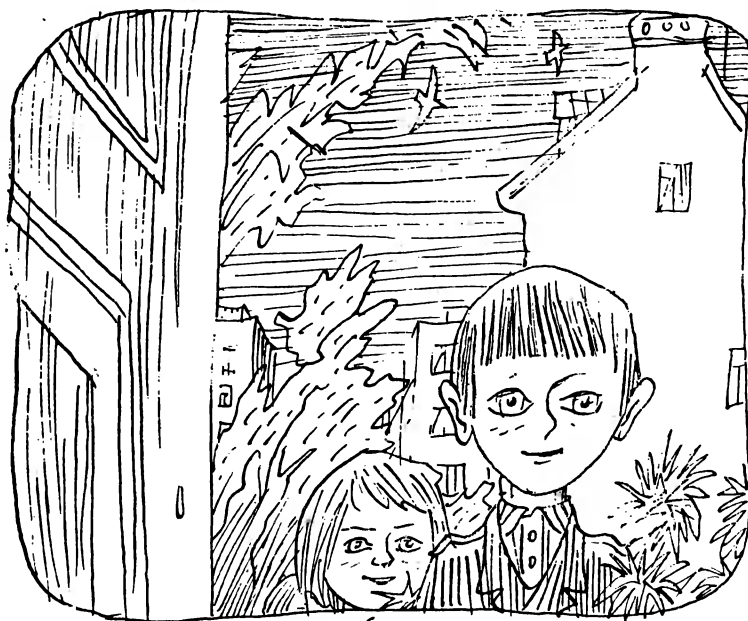
ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ!

Татьяне Кудрявцевой 28 лет. По профессии она журналистка. Ей всегда хотелось работать в детской газете, потому что с детьми ей очень интересно, интереснее даже, чем со взрослыми. И она добилась своего — вот уже восемь лет работает Татьяна Кудрявцева в газете «Ленинские искры».

Маленькая повесть «В первый раз» — первое произведение Татьяны Кудрявцевой.

Татьяна КУДРЯВЦЕВА

Рисунки Г. Ясинского

В первый раз

С букетом георгинов Митя в первый раз подошёл к школе. Букет у него был такой пышный, такой душистый, такой пунцовый, какой бывает лишь у ПЕРВОКЛАССНИКА.

Потом прозвенел звонок. И он был такой серебряный, такой бесконеч-

ный, такой праздничный, каким бывает только ПЕРВЫЙ ЗВОНОК.

Потом к первоклассникам подошла учительница. Она была такая красивая, добрая, какой бывает именно ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА. Учительница рассадил первокласс-

ников за парты. А парты цвета крем-брюле ещё не умели хлопать крышками.

И началась у первоклассников новая жизнь — школьная.

ПЕРВОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Сначала ребята были одинаковые, как портфели.

Ходили одинаково тихо, сидели одинаково тихо, смотрели в окно — скучали. Но чем дальше шли дни, тем становилось лучше. Стало видно, что каждый из них — разный.

Стулов, например, всё время что-нибудь ел. Хрустел на весь класс. А Яблокова поднимала руку. Иногда она даже сама не знала зачем. Просто ей нравилось, когда её вызывали. Беганский постоянно смеялся. Тарахтел как будильник. Слово кто-то его заводил. Вороненков, тот сидел на уроке тише воды ниже травы. Потому что все перемены носился. Его даже прислоняли к стенке и сушили — вот до чего он был мокрый. Понятно, что к концу школьного дня у Вороненкова совсем не оставалось сил. За ним всегда приходила бабушка...

Глушанок всегда после уроков играл в школьном дворе с белым крысёнком. Крысёнок жил в помойке. Глушанок подходил и звал: «Крысь, крысь, крысь», — тот и выходил. У Глушанка появилось прозвище. Крыськин.

Постепенно ребята перестали школы бояться и разговаривать. Только Митя никак не мог разговориться.

— Как думаешь, если к велосипеду приделать руль из веток, он будет шуршать? — спросила Митю его соседка по парте Таня Филимонова.

Митя покраснел и не сказал ни слова.

— А в зоопарке родился жирафёнок. Его назвали Стихия.

Митя по-прежнему молчал.

— А Груздков у всех цветов в классе листья оборвал. Говорит, у него есть черепаха.

Митя не мог придумать, куда ему девать руки. Положил их в парту и опустил голову.

— Ты, Караськов, скучный, как молочный суп, — сказала Филимонова на весь класс.

Ребята засмеялись. С тех пор все стали звать Митю Молочным Супом.

Митя съёжился. Даже дома перестал разговаривать.

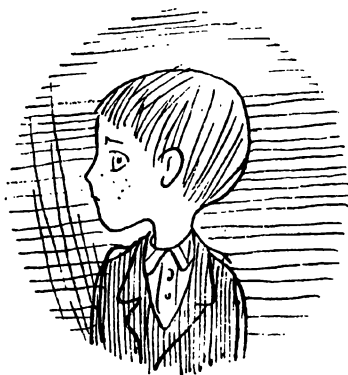
— Как дела? — спрашивала Митю бабушка.

— Нормально, — отвечал Митя и отворачивался.

Бабушка сердилась.

— Ну и дети пошли — прямо партизаны какие-то. Слова не добьёшься.

Вечером Митя долго не засыпал. Он лежал и думал: «Почему у всех ребят жизнь такая простая, а у меня такая трудная?» И однажды Митя решил то, что все люди когда-то решают: «С завтрашнего дня у меня всё будет по-другому».

А назавтра физкультура была. Все прыгали в длину. Каждый старался друг друга перепрыгнуть. Если кто и падал, то вскакивал, первый смеялся и опять прыгал. Самая прыгучая оказалась Таня Филимонова. Она разбегалась и взлетала. Как Пума. Митя попробовал сделать так же, споткнулся и плёпнулся. Прислонился щекой к холодному мату и подумал: «Всё на свете плохо».

— Ха-ха-ха! — засмеялись первоклассники. Всех громче смеялась Таня Филимонова.

Митя сам не знает, как это вышло. Он вдруг подлетел к Тане и толкнул её головой в живот. Сразу наступила тишина. Таня высокая была девочка. Ноги у нее крепкие. Она даже не качнулась. Только заморгала от удивления длинными ресницами. А потом как закричит:

— Ну, погоди, Супчик! Я так тебя отдам!

Потом подумала и обиделась. Перестала с Митей разговаривать.

А Мите в дневник записали замечание: «Подрался на уроке». Портфель от замечания стал тяжёлым-тяжёлым. Митя тащил его на плече, как рюкзак.

Дома бабушка жарила котлеты. Она выглянула из кухни и крикнула:

— Подожди десять минут! Папа сегодня на обед придёт.

Папа очень редко на обед домой приходил. Он работал научным сотрудником, и на работе у них была столовая. А тут — на тебе!

Папа возник в дверях и сразу спросил:

— Как дела, школьник?

— Нормально!

Папа заглянул ему в глаза и не поверил. В дневник заглянул. И присвистнул.

— Ну ты даёшь! — сказал он. — Три дня в школе и такие успехи. Врать, брат, никогда не нормально. Давай-ка рассказывай.

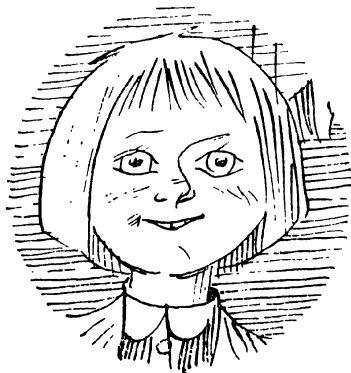
Весь папин обед они проговорили в ванной, как заговорщики. Выходит, зря Митя папу боялся. Всё-таки папа сам бывший мальчишка.

ПЕРВЫЙ ПОДАРОК

Таня Филимонова была, как львёнок. Волосы красивые — оранжевые. И ресницы такие же. А глаза зелёные. А Митя как раз умел вязать львёнка. Мама его научила. Митя связал львёнка из шерстяных оранжевых ниток. На спине у него вышел: «Подарок». Хранился львёнок пока в Митином пенале под фломастерами. Ведь придумать подарок легче, чем дарить.

Как подарить его Тане Филимоновой, Митя пока не знал — он ещё не умел мириться. Он знал только, что подарки дарят в праздник, и поэтому очень ждал праздника.

На первой перемене в 1-а пришла шестиклассница. Толстая, со строгим лицом. Она вошла и сразу села на стул Татьяны Александровны.

— Вниманье, малыши! — сказала она торжественно. — Мы должны подружиться. Я — ваша вожатая.

— Ура! — закричал Вафлин. — Едим молочный суп и едем в Луна-парк?

Митя уронил портфель.

— При чем здесь Луна-парк? — покраснела вожатая. — Будем проводить беседу.

— Так ты же вожатая, — удивился Вафлин. — Вот и вези нас куда-нибудь.

Шестиклассница рассердилась. Нахмутив брови, она сказала:

— Я, мальчик, не из трамвая, а из совета дружины. И давай посерьёзнее.

Первоклассники испугались. Притихли. А Монтикова заплакала. С последней парты быстро встала Татьяна Александровна.

— Ребята, Света будет моей помощницей, — сказала она. — Света — хорошая, а сейчас просто растерялась. Когда в класс приходит вожатая — это праздник!

Митя услышал долгожданное слово и сердце его застучало часто-часто. Он быстренько достал львёнка и толкнул его Тане.

— Это — тебе от меня. На память. Раз праздник.

Таня Филимонова заулыбалась и полезла в карман.

— А тебе тоже. Н-а, — сказала она и протянула Мите что-то маленькое. — Зуб. Настоящий. Мой, молочный. Вчера выпал.

Таня Филимонова была добрая, как Золушка.

ПЕРВЫЕ НЕДОСТАТКИ

Татьяна Александровна сказала:

— Скоро будет седьмое ноября — праздник Революции. В этот день лучших из вас примут в октябрята. Октябрята — красивое и гордое имя. Это — уже не малыши. Это — будущие пионеры. Пионеры носят красные галстуки, а октябрята — красные звёздочки.

Яблокова подняла руку:

— А всех примут в октябрята?

Татьяна Александровна опять стала объяснять, что примут лучших, а лучшие — это те, кто умеет бороться со своими недостатками.

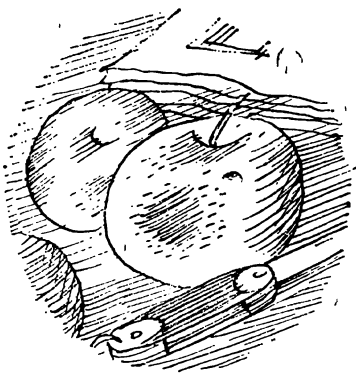
И вдруг Стулов встал и пошёл к двери. Татьяна Александровна удивилась:

— Ты куда?

— Домой. Бабушка вареники делает. С клюквой.

— Но я ведь вас ещё не отпускала. Вот закончим разговор и иди, ещё тогда свои вареники на здоровье.

Стулов нетерпеливо переступал с ноги на ногу.

— Тогда они остынут. А я горячие люблю.

— Ха! — закричал Вафлин. — Нас всех примут в октябрята, а Стулов в это время будет вареники есть!

Таня Филимонова соображала очень быстро. Она сказала:

— У тебя, Стулов, нет ни силы воли, ни выдержки. Вот они — твои недостатки.

Никто про это раньше Стулову не говорил. А теперь чего хорошего из-за

этого и в октябрята не примут. Стулов расстроился. Сел на место. С горя достал из портфеля яблоко. Запахло на весь класс яблоком. Все стали оглядываться, принохиваться и вздыхать. Татьяна Александровна не выдержала:

— Да съешьте в конце концов вы это яблоко!

— Одного на всех мало, — сказал Стулов.

И сразу с трёх парт протянулись три румяных яблока. Филимонова дала, Монтикова и Беганский.

— Молодцы, — сказала Татьяна Александровна. — Будущие октябрята всем должны делиться с товарищами.

Митя покраснел. Он тоже хотел поделиться яблоком, да не успел — прособирался.

«А теперь кто-нибудь, например Вафлин, увидит яблоко у меня в портфеле, подумает, что я жадина, — испугался он. — Я не буду сегодня больше портфель открывать».

И тут же забыл про это. Потому что Татьяна Александровна спросила, нет ли у кого-нибудь перочинного ножика. А у Мити был ножик. Он заторопился, полез в портфель — яблоко упало и подкатилось прямо к ноге Филимоновой.

Филимонова прищурилась, посмотрела сначала вниз, потом на Караськова, молча отодвинула ногу, как будто под партой сидела лягушка. И отвернулась.

Татьяна Александровна разрежала яблоки — всем поровну. Раздала первоклассникам по маленькому кусочку. Митя стал кусать нехотя. Но, видно, не у одного него пропал аппетит. Вафлин тоже сидел задумчивый. А потом встал и сказал:

— Я на переменах теперь не играю в пробки и значки, а учусь читать книги. Но особенный мой недостаток — я вру. Но, может, это ничего? Примут меня в октябрята?

И тогда Крыськин произнес:

— Конечно, ничего. Самый плохой недостаток на свете — это пьянство.

Стало тихо. 1-а смотрел на Крыськина с удивлением — Крыськин знал

что-то такое, чего ещё никто из них не знал. Митя поднял своё яблоко и понёс его Крыськину.

ПЕРВЫЙ СБОР

Все первоклассники начали бороться со своими недостатками. Кто как умел. Беганский теперь на уроках выключался и молчал как рыба. Стулов перестал приносить в класс кукурузные палочки. Монтикова старалась не плакать — ни от страха, ни от обиды. Первоклассники приходили в школу опять друг на друга похожие — степенные, причёсанные и немножко испуганные.

Все они очень ждали этого дня. И вот он наступил. Он был такой же торжественный, как 1 сентября. И даже больше. Трудно было дотерпеть до конца уроков. Таня Филимонова забыла, что она от Караськова отвернулась, и призналась:

— Совсем не могу больше ждать. Сейчас лопну.

Митя обрадовался, что она обратила на него внимание, и сказал тихо:

— Я тоже.

И вот их повезли во Дворец пионеров. У некоторых бабушек и мам этот день, наверное, тоже был праздничный — они ушли с работы пораньше и поехали вместе с ребятами.

Во Дворце толпилось много народу. Большая блестящая люстра сверкала. Первоклассников поставили в огромный гулкий зал. К ним подбежали пионеры. В руках пионеры держали красные звёздочки.

А Митя стоял последним. Он ждал, ждал, а потом закрыл глаза от волнения и сказал себе: «Ну всё». Ноги у него вдруг подкосились. И он упал. Когда его подняли — он был уже со звёздочкой.

От смущения Митя не знал, что делать. Но Филимонова зашептала ему на ухо:

— Ничего, Супчик, не расстраивайся. Если бы я стояла в конце, я бы ещё хуже свалилась.

Мите сразу стало легче.

А потом заиграла музыка — началось веселье. Кто прыгал, кто плясал, а кто просто бегал от радости. Митя всё время трогал свою звёздочку рукой, проверял, не отцепилась ли. Он стоял у стенки и смотрел на ребят. И тут Таня Филимонова подбежала к нему и говорит:

— Ты — мой сосед, будь моей парой. Давай с нами в ручеёк!

Она крепко схватила его за руку. Видно, боялась, чтоб он опять не упал.

Вечером Митя раскрасил страничку в своей записной книжке в красный цвет, самый праздничный из всех цветов на свете, и синим по красному написал:

«На улице я распахнул пальто. Без такой звёздочки мне нельзя было жить».

ПЕРВЫЕ ГОСТИ

В ноябре на улице уже холодно. Воздух, как мороженое. Прохожие пальто не распахивают, а наоборот, застегиваются на все пуговицы. Митя пальто распахнул и — заболел.

Теперь он лежал в кровати. На ногах у него были шерстяные носки, на шее компресс, а на голове — бабушкин платок.

— Главная твоя задача — пропотеть, — сказала ему мама, уходя на работу.

Митя лежал и потел. А это очень скучно.

Перед Митей стоял будильник. Митя смотрел на него и вместе со стрелкой считал минутки. «5, 15, 30, 45 — урок кончается. Сейчас перемена будет. Вороненкова сушить начнут...»

Мите стало грустно.

«Повязать, что ли», — подумал он. Но, кроме лъвёнка, он вязать ничего не умел. А вязать одно и то же — неинтересно. И вдруг раздался звонок. Митя услышал голос Вафлина:

— Мы к вам, бабушка, в гости. Уроки носим — кто заболел.

И голос Стулова:

— А это чем у вас пахнет — блинами?

— Ах вы голуби, — заахала бабушка.

Вафлин уже входил в комнату. Он сказал:

— Привет, Супчик! Ты болеешь? Я тоже, наверное, заболею — мороз на улице. Вон Филимонова — вся красная от мороза.

В дверях стояла Филимонова. Мите сразу захотелось под одеяло. Но Филимонова недолго стояла в дверях. Она стала теревить одеяло.

— Вставай, Караськов! Пора уроки делать.

А Вафлин взял и стащил с Мити одеяло.

— Караськов в носках! — закричал он. — Смотри, Филимонова!

Митя покраснел и скорей стал скидывать носки, но тут вошли бабушка со Стуловым. Бабушка несла тарелку с блинами, а Стулов банку с вареньем. Стулов совсем не замечал Митю. Он громко рассказывал бабушке:

— А вы знаете, как моя бабушка повидло варит? Она яблоки через мясорубку пропускает.

Филимонова строго сказала:

— Ты что, Стулов, к Караськову обедать пришел? Нам Татьяна Александровна чего велела?

— А чего? — удивился Вафлин. — Мы поручение уже выполнили. Пришли. Пусть теперь Супчик для нас спляшет. Если он нам рад.

Бабушка замахала руками и стала усаживать всех за стол. Филимонова упиралась, Вафлин рвался заводить пластинки, а Стулов стоял с полным ртом. Он стеснялся теперь жевать.

В комнате стало шумно, как в классе. А Митя почувствовал, что выполнил задачу, которую поставила ему мама, — пропотел.

Потом, когда гости ушли, Митя записал в своей записной книжке:

«Приходила Филимонова. Она была румяная, как Заря».

ПЕРВЫЕ ВЫБОРЫ

После уроков все остались в классе.

— Ну что ж, — сказала вожатая Света, — пора выбирать командиров.

Митя отвернулся к окну.

«Всё равно не выберут», — сказал он себе, чтобы успокоиться.

— Беганского! Беганского! — закричал сосед Беганского Вафлин.

— Вафлина! Вафлина! — закричал Беганский.

— Ребята, так нельзя, — сказала Татьяна Александровна. — Нельзя предлагать, не думая, просто так. Какой командир из Вафлина, если он обманывает? Какой командир из Беганского, если он выбрасывает мел в окно?

Про мел-то все и забыли. Это давно было — позавчера.

1-а задумался.

— Какие вы неактивные, — сказала Света. — Вот ты, Глушанок, каким представляешь себе командира? Вставай, вставай, говори.

— Я не знаю, — сказал Глушанок, — но вообще-то знаю. Летом, когда мы играли в индейцев, нашим командиром был Лёша — это мальчик с нашего двора. Лёша всегда мог найти всё. Перья — пожалуйста, луки и стрелы — тоже пожалуйста.

— Ну, это ясно, — сказала вожатая. — А кого ты предлагаешь?

— Я предлагаю себя, — сказал он и сел.

— Ты, Глушанок, от скромности не умрёшь, — удивилась вожатая.

Все засмеялись.

«Счастливый Крыськин, — подумал Митя. — Я вот так не могу».

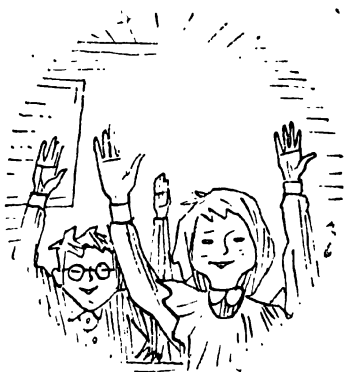
Руку подняла Яблокова. Татьяна Александровна улыбнулась:

— Тоже себя хочешь предложить? Яблокова покраснела.

— Нет, я хочу Филимонову. Она лучше всех прыгает. А когда мы пришли к ней на день рождения... А у неё в комнате были качели... Конечно, всем захотелось покачаться. А Таня сказала: «Я буду последняя». И начала качаться только тогда, когда все откачались. Она — дружная.

— Это хорошо, хорошо, — обрадовалась вожатая. — Кто-нибудь ещё хочет сказать про Филимонову?

— Ага, ой, — от растерянности подумал вслух Караськов, — я хочу.

Вожатая с любопытством посмотрела на Митю. За два месяца она в первый раз слышала его голос. Ребятам тоже стало очень любопытно, что же такое скажет Караськов?

А он сказал:

— Она достойна всего хорошего. — Подумал, подумал, но больше слов найти не мог — все они куда-то подевались.

— Филимонову командиром! — закричал Вафлин. Снял сандалию и застучал ею по полу.

Филимонова вдруг полезла под парту.

— Караськов, Караськов, — позвала она.

Митя, как будто печально уронил карандаш, зажмурился и нырнул за ним.

— Я здесь.

— Караськов, Караськов! — благодарным шёпотом закричала Филимонова. — А кем ты хочешь быть? Санитаром хочешь?

Митя кивнул.

— Будешь, — щедро пообещала Филимонова. — Ну ладно, я — наверх. — И быстренько высунула голову из-под парты...

1-а был в восторге: каждого кем-нибудь да выбрали.

А после выборов Вафлин стукнул Митю в грудь и заорал:

— Ребята, ребята!!! У Супчика теперь новое имя — Мойдодыр!

ПЕРВЫЙ СУББОТНИК

Внезапно Левикова осенило. На математике, когда все решали пример с иксом. Он встал и сказал:

— Почему у нас никогда нет субботника? Давайте подметём двор.

Всем предложение Левикова понравилось. Татьяна Александровна даже не рассердилась, что он руку не поднял.

После уроков пошли во двор. Двор был завален листьями. Нянюшка, тётя Саша, выдала командиру Филимоновой метлы, грабли и вёдра.

Сначала всем захотелось получить метлы. Вафлин подрался со Стуловым, Беганский с Крыськиным, Филимонова с Груздковым. Татьяна Александровна стала наводить порядок. Но тут метлы кончились.

Тогда всем захотелось получить грабли. Стулов подрался с Вафлиным, Крыськин с Беганским. Татьяна Александровна окончательно рассердилась. Но тут кончились и грабли.

Вёдра достались почти всем.

Только Монтиковой ничего не досталось. Мите стало жалко Монтикову. Но отдать свои грабли было ещё жалче. И вдруг Филимонова протянула Монтиковой веник. Это они с Яблоковой выдернули из метёлок прутья — получился для Монтиковой веник. Всмогущая была Филимонова, как Хоттабыч.

Монтикова стала подметать двор начистовую. За всеми понемножку. Особенно за Крыськиным. Он очень торопился, потому что соревновался с Беганским. А Беганского торопил Стулов — он кленовые листья складывал в вёдра. А складывать — быстрее, чем сгребать. Беганский переживал — он сам хотел торопить Стулова.

Но скоро площадка стала чистой и просторной. Как поле. Стало всем весело. Особенно Беганскому. Он начал фантазировать.

— А потом тётя Саша сожжёт наши листья. Мы посадим здесь на-стурции.

— И георгины, — вырвалось у Мити.

— Правильно, Мойдодырчик, и георгины, — обрадовался Беганский.

Татьяна Александровна увидела, что все уселись на скамейку, и говорит:

— Последи за ребятами, Филимонова. Я только закрою класс.

Все посмотрели на Филимонову с завистью.

А Вороненков, как только Татьяна Александровна ушла, зашвистел и стал прыгать через скамейку. Девчонки завизжали, а Филимонова стала хватать Вороненкова за ноги. Она, наверное, хотела его остановить, чтобы он не упал. Но он как раз взял и упал. А на него свалилась скамейка. Когда Вороненков из-под скамейки вылез, все увидели, что голова у него разбита.

1-а замёр.

«Ой, беда», — была первая мысль у Мити. «Скорей помочь», — была вторая мысль. «Только бы не попало Филимоновой», — была третья.

Митя собрал все силы, затащил Вороненкова на скамейку и — пулей к телефону.

Набрал 03.

— Мой друг упал и разбился. Нечаянно. Приезжайте скорее. Я вас встречу. Адрес...

Но тут к будке подбежала Филимонова.

— Не надо врача. Татьяна Александровна Вороненкова в медпункт понесла.

Митя повесил трубку. И вздохнул.

А Филимонова сказала с уважением:

— Ты, Караськов, настоящий Мойдодыр.

ПЕРВОЕ ДЕЖУРСТВО

Митя мечтал быть дежурным.

«Выйди, Вафлин, из класса, — скажу я. И — он выйдет. И Беганский послушается. И Вороненков. Филимоновой делать будет нечего. Все увидят, какой у меня поря-док».

Когда дежурным был Груздков, он всё потерял. И повязку, и тряпку — с доски вытирать, и лейку для цветов. Он не потерял только своё мыло «Турист», потому что всё время таскал его в кармане, даже мокрое.

Вафлин тоже дежурил плохо. Но Вафлин умел подговаривать. Он подговорил Груздкова, чтобы тот принёс свою черепаху в школу. И он принёс её в тот день, когда Татьяна Александровна сказала:

— Сегодня дежурят Караськов и Филимонова.

В большую перемену Митя только хотел выгнать ребят из класса, как Татьяна Александровна всех построила и говорит:

— Караськов будет отвечать за порядок в классе, а Филимонова — в столовой. Обедают дежурные в последнюю очередь.

Филимонова встала рядом с Татьяной Александровной. Она сияла как солнце. Митя открыл дверь, и 1-а потянулся в столовую.

Митя остался один в классе. Было тихо. Пахло мелом и мокрой тряпкой. Митя почувствовал вдруг себя самым главным и стал вытирать доску. Он даже пел и свистел, как птица.

Он не слышал, как в парте кто-то шуршал. Это шуршала черепаха. А за дверью сопели Вафлин и Груздков. Они убежали из столовой, когда Татьяна Александровна пошла за киселем. Филимонова не уследила.

Груздков переживал, что черепаха голодная.

— А ты её — цветами, цветами, — уговаривал Вафлин.

— Дежурный же, — шептал Груздков.

— А, сейчас, — сказал Вафлин.

Он ворвался в класс и подскочил к Мите.

— Груздков трус, — сказал Вафлин. — Обалдеть, какой трус. С первого этажа, из туалета, побоялся прыгнуть. Вот ты бы, Мойдодырчик, конечно, смог, а? Выпрыгни-ка из класса.

Митя растерялся.

— Первый же этаж! — закричал Вафлин и стал подталкивать Митю к окну.

Делать было нечего. Митя встал на самый краешек подоконника. «Если бы сейчас вернулась Филимонова», — с надеждой подумал Митя. Но Филимонова не возвращалась.

И Митя прыгнул.

— Махай, махай руками, — закричал Вафлин. — Как стрекоза.

Митя взмахнул руками.

И земля перевернулась.

ПЕРВАЯ ПЯТЁРКА

На следующий день Митя пришел в школу в гипсе. Его привела Татьяна Александровна за левую руку. Правая рука у Мити была сломана. Портфель несла бабушка. Она всё время плакала. Татьяна Александровна её успокаивала и обещала, что теперь всегда будет Митю водить. Даже в туалет.

Митя молчал.

Весь класс встречал его у дверей. Филимонова выхватила портфель из рук бабушки. Беганский постучал пальцем по гипсу и с завистью спросил:

— Настоящий?

Когда прозвенел звонок, Митя услышал шёпот Вафлина:

— Бриллиантовая рука...

Филимонова тут же треснула Вафлина по голове «Чтением».

— Будем писать сочинение, — сказала Татьяна Александровна. — Оно называется: «Чего я хочу больше всего на свете?»

Вафлин наморщил лоб. Монтикова положила в рот косу. Филимонова нечаянно мазнула себя по щеке папирусной ручкой.

1-а задумался. Он писал первое в своей жизни сочинение.

«Я хочу сто порций мороженого. Хочу, чтобы ребята и люди дружили. И в конце концов, чтобы я учился на пятёрки», — корявыми большими буквами выводил Стулов.

«Я бы стёр с лица земли всех плохих людей. А ещё я бы устроил так, чтобы все дети помогали мамам. Потому что мамы родили всех нас, 250 тысяч ребят», — фантазировал Крыськин.

Филимонова писала:

«Я хочу, чтобы Татьяне Александровне стало с нами легче. И хочу, чтобы во всех странах женщины стали равноправными с мужчинами».

Митя ничего писать не мог. У него правая рука была в гипсе. Митя сидел и представлял, что он волшебник. Он — волшебник и умеет сочинять стихи. Мите сделалось так легко, как будто он побежал с горы.

Когда прозвенел звонок, все заторопились сдать свои листочки. А Митя встал и поднял левую руку.

— Ты, что, Караськов? — встревожилась Татьяна Александровна.

— Я — волшебник и вот я сочинил:

— *Ах, стрекоза! Ты странный самолёт!*

Летишь над миллипутским

Лесом травяным.

Летаешь над водой —

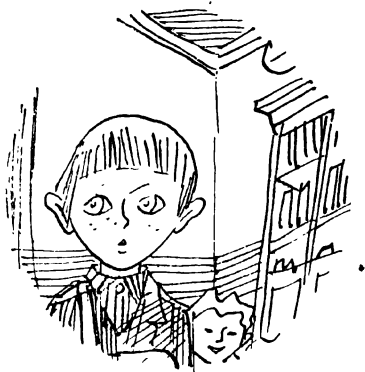
Над миллипутским морем.

Ах, стрекоза, мой странный

самолёт!

Куда же ты летишь?!

— Караськов, да ты же не Караськов, ты просто Пушкин! — радостно воскликнула Татьяна Александровна. И поставила Мите большую красивую пятёрку. В журнал.

Все сидели потрясённые. А потом как закричат:

— Он — Пушкин, Пушкин!!

— Подумаешь, Пушкин, — сказал Вафлин и с грохотом открыл форточку.

ПЕРВЫЕ КАНИКУЛЫ

Выпал снег. В городе появились деревянные заборы, за которыми летом продают арбузы, а зимой — ёлки.

У 1-а начались каникулы.

Первоклассники сразу встали на

лыжи. Все, кроме Мити. Митя был освобождённый.

— Ты не горюй, — сказала ему Татьяна Александровна. — Мы с тобой будем болельщиками. Это ещё лучше. — И взяла Митю за руку.

А у лыжников получились разноцветные рельсы. Потому что у кого лыжи были зелёные, у кого голубые, у кого — жёлтые. Первоклассники выстроились в поезд, как вагончики.

И вагончики были похожи. Они не могли стоять спокойно, наезжали друг на друга. Волновались.

Монтикова сказала:

— У меня от волнения даже руки замёрзли.

И у всех руки тоже стали мёрзнуть.

Но вот — команда:

— На старт!

Ребята заторопились, а кто-то, кажется Яблокова, успел крикнуть:

— Ура!

И поехали.

Первой Таня Филимонова.

Снег — белый, хрустящий, как полотно. А солнце — красное, огромное.

Октябрюта мчались быстро, как только могли.

А рядом с лыжней бежали бабушки, папы, вожатая Света.

Татьяна Александровна с Митей стояли на месте, но дышали так быстро, как будто тоже ехали — болели.

Всё у Филимоновой сначала шло замечательно. Её красный костюм

мелькал впереди всех. Она была, как огонёк. И вдруг у самого финиша — лыжа на лыжу, а Филимонова вбок и вниз. Упала в сугроб.

Яблокова обогнала Филимонову.

Все сразу замахали руками:

— Яблокова! Яблокова!

— Филимонова! Филимонова! — закричал Митя.

Яблокова подкатила к Филимоновой, улыбнулась ей и взяла за руку. Все решили, что они — обе чемпионки.

А Филимонова обернулась и посмотрела на Митю.

Ресницы у Мити были белые, пушистые. Это на них, наверное, налипли снежинки. А одна даже сидела на лбу. И не таяла. Потому что Мите было очень холодно.

Филимонова подъехала к нему.

— Какой ты красивый, Караськов... Как Снежная Королева.

И вдруг засмеялась:

— Здравствуй, Митя!

— Здравствуй, Таня, — сказал Митя.

Так они называли друг друга по именам.

Это было в первый раз.

Олег ТАРУТИН

К а щ е й

*Сидел за ужином Кащей —
ужасно тощий дядя.
Он съел кастрюлю кислых щей,
в тарелку кисло глядя.
Потом второе съел Кащей —
четыре миски каши.
И стал от них ещё тощей
и впал в тоску и кашель.
Потом, разжав тиски тоски,
полез Кащей в кладовку,
и съел он всё филе трески,
весь лук
и всю морковку.
Потом сжевал лавровый лист,
сумев не подавиться,
и старый хрен,
который скис,
и полкило горчицы.
Потом сжевал жену Ягу,
ужасно злую тётю,
что как-то раз сожгла рагу —
«Царевич на охоте».
Ругал Кащей себя:
«Удав!»
И сам себе был страшен.
...И всё же ты, сынок, не прав,
что есть не хочешь каши.*

Рис. Г. Ясинского

ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ, когда едешь в метро! Читаешь книжку или разговариваешь с приятелем!.. В окно, наверное, не смотришь. Ведь там, за стеклом, ничего интересного.

И всё-таки посмотри внимательно, когда твой поезд мчится между станциями «Лесная» и «Площадь Мужества». Ты увидишь красный тоннель.

Здесь, под землёй, когда-то произошла жаркая схватка со стихией. Тут сражались сотни и тысячи отважных людей: рабочих, инженеров, учёных. И одержали победу.

Красный тоннель — памятник мужеству строителей Ленинградского метро.

Ирина КИРПИЧНИКОВА

Рисунки Ю. ШАБАНОВА

КРАСНЫЙ ТОННЁЛЬ

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

— Алло! Управление? Говорят с двести тринадцатой. В шахту прорвалась вода! Авария!

Это прозвучало, как сигнал боевой тревоги.

— Нет. Никто не пострадал. Пока нет опасности. Пока нет...

— Может быть, просто в скважине скопилось немного воды? — с надеждой спросили из управления. — Прольётся струя, и всё будет в порядке...

— Нет! Речь идёт не о каких-нибудь струйках! Понимаете, земля в шахте поплыла. Это — плавун!

— Сейчас выезжаем!

Уже через несколько минут с разных концов города к шахте мчались машины: аварийные, пожарные, санитарные, легковые.

А НАКАНУНЕ БЫЛО ВСЁ СПОКОЙНО...

Только Дед уходил со своей бригадой на другую шахту и прощался с двести тринадцатой. Вообще-то его имя — Михаил Григорьевич Тихонович. Но все упорно зовут — Дед. А он вовсе не старый, не седой и не сгорбленный. И даже наоборот: стройный, подтянутый, черноволосый.

Дедом его прозвали, когда появился у него внучок Андрейка. Ни у кого в шахте нет внучонка. А у него вот теперь есть. Может быть, ещё потому так называют, что начальство к нему относится с особым почтением. Может быть, ещё потому называют, что умудрённый он во всех шахтёрских делах.

Ну и что ж — Дед так Дед.

— Куда, Дед, собрался, — спрашивают его.

— Дальше метро проходить.

В метро говорят: «проходят тоннель». А люди, которые метро строят, называются проходчиками. Они ведь первыми проходят под землёй, где до них не ступала ещё нога человека. Глубины земли — область малоизвестная. Капитаны уплывают за голубые горизонты, чтобы открывать новые моря и острова. Ботаники и зоологи отправляются в экспедиции, чтобы найти неизвестные растения и животных. А под землю первыми спускаются проходчики.

Деду всегда было немного грустно покидать тот тоннель, который он проходил. А сегодня особенно. Потому что жаркая выдалась тут работа, хотя весь тоннель и промёрз до болтика. Шёл Дед и любовался на дело рук своих товарищей. Вырыли они тоннель кругленький, ровный. Внутри он похож на огромную, свёрнутую в трубку вафлю. Каждая ячейка вафли — тьюбинг. Как только проходчики пройдут на один метр, они тут же начинают ставить тьюбинги. Крепят первый со вторым, третьим... Пока все тьюбинги не сомкнутся в кольцо.

Далеко уж протянулся новый тоннель. То и дело попадались Деду низенькие жёлтые электровозы. Тащат они к забою пустые вагонетки, а обратно возвращаются нагруженные породой.

Знакомый машинист притормозил возле Михаила Григорьевича:

— Садись, Дед, подвезу!

— Не положено вдвоём на электровозе.

— Ну тогда топай.

А Деду и приятно топать. Хозяйским взглядом осмотрел Михаил Григорьевич всё вокруг — ничего не забыл. Вот только оменщиков своих, кому он каждый день забой передаёт, осталось предупредить. У них бригадир — Дедов земляк. Тоже из Белоруссии. И фамилии у них схожие: у Деда — Тихонович, а у того — Татаринович.

Земляка зовут Костей. Хоть молодой, а толковый бригадир, крепко знает своё дело. Сегодня как раз ему орден будут вручать. Вот Михаил Григорьевич поздравлять будет и предупредит. Значит, возвращаться сюда, в тоннель, больше не придётся.

Потом люди будут спускаться на эту станцию метро по эскалатору. А сейчас сюда вход только по колодцу — стволу шахты. Ползает по нему неказистая клеть подъёмника. Она вправду похожа на железную клетку и совсем не такая удобная, как лифт в доме. В ней возят и вагонетки, и людей. Но проходчики к ней привыкли. Сверху над колодцем возвышается шахтная вышка, а внизу к нему примыкает про-

сторный подземный вокзал — рудничный двор. Там и тут всегда дежурят.

Тихоновича провожал весёлый парень Серёга:

— Пожалуйста в карету! Эх, прокачу в последний раз — с ветерком!

— Да,— сказал Михаил Григорьевич,— в другой раз уже эскалатором поеду.

Серёга звонко ударил четыре раза в гонг — так он подавал наверх сигнал, что, мол, человек в клети поднимается, а не какой-нибудь другой груз. Сверху также четыре раза ответили, что означало: «Вас поняли, принимаем человека в подъёмнике»...

Вот и все события, которые случились в шахте накануне.

И ДЕНЬ НАЧАЛСЯ ОБЫЧНО

Вполне обычно и даже, пожалуй, удачливее, чем другие. Оба бригадира — юркий, щуплый Костя Татаринович и высокий степенный Василь Василич Скрипников — пришли в конторку шахты на полчаса раньше. И сразу же — к начальнику смены. Оба готовы были ругаться и требовать лишние вагонетки.

Но он их опередил:

— Даю каждому по сорок. Довольны?

Конечно, довольны. Костины ребята — люди молодые и расторопные — поплевали на руки и первыми взялись за свои отбойные молотки. У Скрипникова — народ посolidнее. Всё делают не спеша. Наперегонки они не бросились.

Тут была и ещё одна причина. Дело в том, что на всех линиях метро роят сразу два тоннеля рядом: по правому поезду пойдут на следующую станцию, а по левому будут возвращаться обратно. На новой же линии тоннели расположились в два этажа — один над другим. И Костиной бригаде досталось работать наверху. Чтобы попасть на своё рабочее место, им сначала нужно было спуститься в нижний тоннель. Потом идти подземным коридором до второго рудничного двора. И уж оттуда подняться в верхний тоннель.

Скрипников собрал своих проходчиков в бытовке — это там, где проходчики моются, греются, переодеваются, где сушится их рабочая одежда и где они просто могут отдохнуть.

— Значит, так,— начал он.— Вагонеток нам сегодня хватит. Все мы отдохнули и набрались сил. Думаю, должны за смену два задания выполнить. Горячо придётся!

— Зачем тогда ватники надеваем? — спросил кто-то.

— А чем чёрт не шутит в ледяном забое,— сказал бригадир.

— Не замёрзнем. Ведь не на полюс собираемся.

— Значит, так,— невозмутимо повторил Василь Василич,— ватники нужны. Сапоги меховые тоже.

Перед тем как спуститься в шахту, Скрипников зашёл к жене — она у него тут же на подъёмнике работала:

— Нина, ты нас, если что, выручай. Ладно?

Бригадир-то имел в виду, чтоб она побыстрее спускала для них пустые вагонетки. Не знал он тогда, что уже скоро его слова совсем другой смысл приобретут.

Утренняя бригада, которую проходчики Скрипникова должны были сменять, ещё не попадалась навстречу. Что они там задержались? Тем временем у Кости в верхнем тоннеле уже вовсю тарахтели восемь отбойных молотков.

«Тра-та-та-та!» — слышались пулемётные очереди без передыху, и сквозь землю эхо разносило эти звуки.

Прислушался Василь Василич: и у них внизу тоже стрекочут молотки. Оказалось, утренняя смена добирала последние сантиметры нового тоннеля.

— Да идите вы домой, наконец! — не выдержал Скрипников. — Завтра своё возьмёте! А сейчас сдавайте забой по правилам и уходите. Где аварийный запас досок? Где самоспасатели? Где бетон?

— Не понадобится он вам! Зря только время на сдачу-передачу тратим.

— Кто знает...

Наконец проходчики Скрипникова остались одни. Ещё не все заняли свои места, ещё не приноровились, только стали прилаживать, пробовать молотки. И вдруг...

В НИЖНЕМ ТОННЕЛЕ, У СКРИПНИКОВА

И вдруг — как трахнет глубоко под землёй. Глухой раскат прокатился по тоннелю. В ту же секунду раздался протяжный крик.

На какой-то миг все оцепенели. А самый молодой проходчик Гена в испуге привалился к заиндевелоу лбу забоя.

— Что с тобой? — Скрипников сразу бросился к Гене.

— Да вот пика утопла. Я только её прислонил — она и провалилась.

— Куда?

— В землю. Куда ж больше.

Гена с силой дёрнул инструмент на себя, да чуть не свалился с площадки, на которой примостился. Из маленькой дырочки, образовавшейся во лбу забоя, на него сердито фыркнула струйка тёмной жижи. И сразу же затихла. Но следом откуда-то изнутри послышалось злое урчание.

Бригадир насторожился.

— Земля голос подаёт. Плохая примета. — Он спрыгнул вниз, предупредил: — Ничего не трогайте! — А сам пробрался к тоннельному телефону звонить.

Неужели земля поплыла? Неужели плывун? Проходчиков предупреджали, что на этом участке метро будет пересекаться с засыпанным руслом древней реки. Чтобы она не расплылась, когда будут рыть тоннели, весь грунт заморозили. Да так, что образовалась крепчайшая подземная скала. Её с трудом долбили отбойными молотками — аж искры из-под пик сыпались. Не может быть, чтобы она не выдержала, лопнула...

Через несколько минут в забой спустился начальник шахты. За ним следом появился инженер-морозильщик.

— Проверяли температуру? — спросил начальник.

— Минус десять, — ответил бригадир. — Течи не должно быть.

— И морозильные скважины работают нормально, — добавил инженер-морозильщик.

Скрипников подготовил деревянную чурку. Проходчики всадили её в дырку и забили кувалдой. Но водичка потихонечку продолжала сочиться из-под этой пробки. Под землёй ни один ручеек не течёт сам по себе. Стоит где-то воде просочиться, и с нею вместе потекут песок, ил, глина. Это и есть плывучая земля, или, попросту, плывун. Не сдобровать, если такой поток ворвётся в тоннель!

Скрипников подумал: «Как раз над нами оживлённая магистраль. Если прорвётся плывун, улица может провалиться под землю вместе с домами, асфальтом, трамвайными путями».

Скоро в тоннеле появились начальник и главный инженер строительства, а с ними специалисты и консультанты — в общем, собрался

настоящий боевой штаб. Советуются, думают, как поступить. Наконец проходчикам удалось заделать пробойну, и вода вроде бы перестала течь.

Начальник строительства распорядился:

— Прежде всего обязательно предупредить бригаду Татариновича: пусть будут готовы на всякий случай! А здесь будем ещё бурить скважины. Надо разведать. Рисковать нельзя.

Загудел бур. Со скрежетом вонзился в мёрзлую землю острый наконечник. Но когда его вытащили, он оказался совершенно сухим. Люди повеселели. Наверное, и нет никакого пльвуна. Случайно вылилась струйка. Для верности решили ещё пробурить. Во второй скважине опять было сухо. И в третьей. И в четвёртой... Пятую в самом низу даже не хотели бурить; и так всё ясно.

— Ну, Геннадий, зря напугал...

Внезапно бригадир осёкся. Из пятой скважины выползла длинная глиняная змейка и, извиваясь, легла к его ногам. Инженер-морозильщик было нагнулся пощупать породу. А на него вдруг как фыркнет

струя! Прямо в лицо. У инженера слетели очки и каска. От неожиданности он пошатнулся. А всех, кто стоял поблизости, окатило с ног до головы грязными брызгами.

Первым опомнился бригадир:

— Навались, ребята!

В то же мгновение проходчик Сергей Лукин бросился прямо на струю, прикрывшись широкой доской. Пётр Русу схватил деревянные клинья и кувалдой начал вбивать их в скважину. А Вася Иванов и Коля Шпак потащили к самой пробойне огромный тюк пакли.

— Навались!

Но вода хлестала пуще прежнего, расшвыривала доски и затычки, сбивала проходчиков с ног. И ревела так, будто над самым ухом прогревали моторы реактивного самолёта.

Вооружились толстенными кругляками брёвен. Пустили в ход домкрат — попробовали с его помощью придавить отверстие дощатыми щитами. Но никак не унять грозный водомёт! То затихает он, то с новой силой стреляет тёмной густой жижей. Тогда один проходчик стащил с себя ватник и, поймав подходящий момент, что есть силы всадил его прямо в тёмную брешь.

— На-а! Подавись, проклятая!

Скрипников в суматохе не разобрал — кажется, это был тот самый парень, который не хотел там, наверху, тепло одеваться.

На секунду всё стихло. А потом ка-а-к плюнет тем ватником обратно! Метров на двадцать... И снова захлестало!

Ещё одну атаку предприняли проходчики, ещё раз попытались заглушить разъярившийся фонтан. Начали заваливать пробойну большими камнями, какие нашлись в тоннеле. Туда же полетели комья затвердевшего бетона. Но всё напрасно. Промок, почернел весь лоб забоя. И наконец не выдержал — под напором воды треснул. Прямо на глазах трещина начала расходиться. Земля зашевелилась, расступилась...

— Покинуть забой! — скомандовал главный инженер: теперь уже стало ясно, что плывун не удержать. — Уходить всем! Скорей, скорей...

Он рванул рычаг аварийного сигнала. В тоннеле пронзительно завыла сирена. Люди побежали по тоннелю, а за ними вдогонку покатились зловещие тяжёлые волны с песком, глиной и льдом.

НА ЧЁМ СТОИТ ГОРОД

Все описанные события произошли глубоко под ленинградской землёй. Где именно? Давайте разберёмся.

Трудно себе представить, что когда-то там, где находится сейчас Ленинград, плескалось бескрайнее лазурное море. Было оно тёплое и прозрачное. Но удивительно скучное. Не плавали рыбы в его волнах, не летали над ним быстрокрылые чайки, не бросали в него неводы отважные рыбаки. Потому что ни рыб, ни птиц, ни людей в те далёкие времена ещё на свете не было. В морских пучинах хозяйничали лишь крохотные рачки-трилобиты да росли красные, зелёные и синие водоросли. Мутные реки приносили в море мельчайшие частички породы. И они оседали на дно, накапливались за многие столетия, спрессовывались под тяжестью воды в плотные, непроницаемые зеленовато-серые и голубые глины. Потом море ушло.

Наша земля, которую мы привыкли считать неподвижной, на самом деле то поднимается, то опускается в разных местах. И там, где было море, вдруг становится суша. А там, где были горы, земля покрывается водой. Только на это уходит много времени — миллионы и миллиарды лет. Так было и на теперешней ленинградской земле. Подня-

лась суша, родились на ней реки и озёра. Выросли густые, непроходимые леса. Огромные, величиной с сосну, хвощи поднялись рядом с раскидистыми, как дубы, папоротниками.

Постепенно менялся климат Земли. Становилось холоднее. На Северном полюсе увеличивалась ледяная «шапка». Она всё больше нахлобучивалась на земной шар. Лавина мощных льдов поползла с севера. Долго длилось похолодание — миллионы лет. Но всё-таки тепло вернулось. Вновь зажурчали ручьи, зазеленели равнины. Только теперь пошли в рост другие леса — хвойные и лиственные.

Трижды наступал на землю ледник, опустошая всё на своём пути. И трижды оставлял после себя круглые валуны. Иногда эти «камушки» были ростом со слона. Не везло нашему краю. Кончил по нему гулять ледник, так другая напасть подоспела: стало накатываться с запада море — прапрадедушка нынешнего Балтийского. Семь раз оно наступало и семь раз отступало. И остался лежать толстый слой принесённого морем мелкого песочка, смешанного с илом.

Со временем заросло всё кустарником и лесами. Прорезались на низкой топкой равнине уже новые реки. И текли они совсем не так, как те древние, которые засыпал в своё время ледник. Позже всех рек появилась Нева. Когда переполнилось и прорвалось Ладожское озеро, она вытекла из него и побежала к Балтийскому морю. Ну вот и выходит, что Ленинград стоит на огромном «слоёном пироге». Какая у него «начинка», хотя бы знают многие. Нельзя построить дом, перекинуть мост или провести канал, не зная, что под ними будет находиться. А уж за строительство метро без таких сведений нечего и приниматься!

Если пробурить глубокую скважину, можно узнать все слои земли, на каких стоит город. Самый верхний слой — это тот, к которому прикасалась рука человеческая. В некоторых местах он уходит вглубь на 8—15 метров и порой несёт в себе самые неожиданные сюрпризы. Например, недалеко от Разлива геологи нашли стоянку древнего человека. На Васильевском острове обнаружили клад старинных арабских монет. У Нарвских ворот открыли склад битой глиняной посуды. Следующий слой «начинки» напоминает о семикратных визитах на сушу древнего Балтийского моря. В городе сохранились береговые валы, до которых доходили его волны. Это тоже полезно знать. Оказывается, даже при самых сильных наводнениях вода в городе дальше этих валов не перехлёстывает. Если спуститься ещё ниже, обязательно обнаружишь какую-нибудь памятку, оставленную ледниками, — то сплошные валуны, то засыпанное подземное озеро. Сюда проходчикам лучше не забираться: либо бур сломается, либо вдруг брызнет фонтаном вода.

Строители метро облюбовали себе нижний слой «пирога» — там, где лежит серовато-зелёная и голубая глины. В них удобнее всего сооружать тоннели и станции, потому что они прочные, твёрдые и сухие. Копай сколько хочешь! Только не наткнись на древнюю подземную речку. Не забывай: хоть и родилась она сотни миллионов лет назад, хоть и засыпало её теперь песком и галькой, всё равно и сейчас она ещё живёт. Течёт себе потихоньку — за год на несколько метров вперёд. И смиреннейшая эта речка кажется, пока зажата со всех сторон землёй. А стоит её тронуть, дать ей хоть маленький выход — вырвется она, разъярённая, из своего русла. Да ещё и землю потащит за собой. Это и есть пливун! Вот такая древняя подземная река и прорвалась на шахте номер двести тринадцать.

ЗЕМЛЯ ГУДИТ...

Костя Татаринович ростом небольшой, худенький. Похож на подростка. На вид никогда не скажешь, что у него необыкновенная сила.

А попробуй с ним поздороваться, сразу почувствуешь твёрдое его рукопожатие — до хруста в пальцах. По тоннелю он ходит всегда налегке. Какой бы ни был мороз, а у него всегда ворот нараспашку. Все давно уже понадевали шерстяные куртки, он же так и остался в синем брезентовом комбинезоне. Жарко ему.

— У Скрипникова беда! Скорей на помощь!

Косте дважды объяснять не надо.

— Ребята, айда к «нижним».

Проходчики побросали свои молотки, соскочили с мест. Схватили топоры, лопаты, ломы, пилы — и бегом по тоннелю.

— А ты останься,— задержал бригадир Вячеслава Павлова,— насос промой!

Павлов тоже хотел со всеми бежать к товарищам. Но и насос-пушку оставлять грязным нельзя. Упустишь время, и бетон затвердеет в шланге так, что никакими силами его не отдерёшь.

...Гулко цокая сапогами, бежали проходчики к нижнему тоннелю. Начальник шахты по дороге успел им объяснить, в чём дело. Да они и сами услышали. Под ногами гудела земля. Шум нарастал. Они бежали ему навстречу, и им было жутковато. Нет, не за себя страшно. А за тех, кто сейчас там, внизу. Что с ними? Хотелось скорей к ним добраться. А путь неблизкий. Стонет, ревьёт земля. И кажется, сотрясается весь тоннель.

Скорей же, скорей вперёд!

Наконец они добрались до перехода, соединяющего оба тоннеля. По лесенке вниз буквально скатились. И услышали здесь шум, ещё более оглушительный. Что-то громко трещало и скрипело, словно падали сломанные деревья в лесу.

— Подождите здесь! — Начальник остановил проходчиков на рудничном дворе, а сам с Костей направился к месту аварии.

В это время со стороны ствола шахты показался низенький подземный электровоз. Он тащил совсем непривычный груз — тюки соломы. Костя махнул рукой, и машинист остановился возле них.

— Зачем солому везёшь? — спросил Костя.

— Главный распорядился.

Начальник шахты и Костя, хоть и не дозволено, прицепились на подножку и быстро домчались до затвора. Эти стальные ворота были построены на случай аварии. Они перегораживали тоннель поперёк и с помощью резиновых прокладок намертво присасывались к бетонной раме. Предполагалось, что в опасный момент можно их закрыть и за ними надёжно спрятаться. Но, сейчас возле них было пусто.

— Где же люди? — удивился начальник шахты.

Машинист пожал плечами.

— А там кто-нибудь остался?

Машинист тоже не знал. Он сгрузил солому и уехал.

— Как же проверить?

Начальник шахты вместе с Костей двинулись было в глубь ревущего тоннеля... Да какое там! Идти к забою было невозможно. Навстречу катилась тёмная тяжёлая масса воды с песком и глиной. Зловещие свинцовые языки стремительно набегали на бетонный настил. Между рельсов, отчаянно урча и завихряясь, текла настоящая река. По ней плыли доски, пакля, пустые вёдра. Уже и через порог затвора перекатывались волны.

— Давай закрывать ворота!

Но легко сказать! А как сделать? Ворота закрывались штурвалом, установленным на них в самом центре. Однако сейчас колесо штур-

вала оказалось сорванным — остался торчать лишь металлический штырь. Видно, уже пытались сдвинуть затвор с места.

— Зря электровоз отпустили, — посетовал начальник шахты. — Попробовать бы машиной их подтянуть.

— Так вон есть другой!

Костя бросился в тоннель. Там по колёса в воде стоял электровоз с пустыми вагонетками. В суматохе про него забыли.

— Чего машину бросать! Зальёт воды! — Костя вскочил в кабину, включил мотор. Машина загудела и на полном ходу промчалась через ворота. Они прикрепили к ней один конец металлического троса, другой зацепили за ворота. И начали подтягивать... Ворота сдвинулись с места. Да мешают ещё рельсы узкоколейки, проложенные через порог. Хорошо, что подоспел Скрипников, — они даже не заметили, откуда он появился, опираясь на железный шест: он словно вынырнул из водоворота. Втроем они ломami взялись разбирать рельсы. Откуда только силы нашлись! Здесь и бригадой не справиться! А они отодрали сразу оба рельса вместе с болтами и шпалами. Оттащили всё в сторону. Позвали главного инженера, — он командовал сейчас в тоннеле.

— Проверьте всех, кто спустился в шахту, — приказал главный. — Скрипников, ваши все здесь?

Василь Васильич с трудом собрал свою бригаду. Все проходчики были в грязи. Лица чёрные — не сразу распознаешь.

— Все на месте.

— Татаринович, а ваши?

Тут Костя спохватился:

— Павлова, бетонщика, оставил насос промывать.

Послали за Павловым, но его на месте не оказалось. У затвора — нет, на втором рудничном дворе — нет... А вода уже вовсю валит через порог. Что делать? Пока одного ждут, остальных, того гляди, зальёт! Но главный медлил:

— Мы должны знать наверняка, что не оставили за затвором ни одного человека!

Побежали искать Павлова по подземным переходам, тупикам и штольням. А обнаружили на первом рудничном дворе — он помогал монтажникам ставить дополнительные насосы.

— Тыфу ты чёрт! — в сердцах выругался Костя. — Из-за тебя все перенервничали.

Ещё раз проверили. Никто не остался? Нет.

— Ну тогда закрываем!

Загудел электровоз, сдвинулись с места тяжёлые ворота и медленно поползли, отсекая дорогу потоку. «Теперь можно вздохнуть облегчённо, — подумал Татаринович. — Теперь люди за надёжной преградой. Остановили наконец плывун!»

МЫ ЕЩЕ ПОВОЮЕМ!

Однако Костины предположения не оправдались. Скоро из-под затвора начала просачиваться вода, песок со льдом, как наждак, стал перетирать резиновые прокладки, которыми был прижат затвор к бетонной раме. Только проходчики сдаваться не намерены.

— Мы ещё повоюем!

Принялись они прокладки в затворе уплотнять — конопатят их паклей. А напор-то сильный — не держат те затычки. Внизу под порогом взялись укладывать тюки с соломой, мешки с песком. Настоящую баррикаду построили. Пока у щелей возились, видят: стала промокать бетонная рама. Выступили на ней крупные капли, словно слёзы.

— Срочно спускайте в шахту железо! — позвонил начальник шахты в штаб.

И уже через несколько минут электровоз притащил к воротам металлические листы.

— Крепить бетон!

Люди не замечали времени. Который сейчас час? Закатов и рассветов под землёй не видно. И было как-то удивительно, когда в тоннеле появилась ночная бригада. Её привёз из другой шахты известный проходчик Володя Псюк. Он узнал об аварии, тут же собрал своих людей, усадил в машину — и прямо сюда. По дороге их чуть не задержал милиционер за нарушение правил движения. Разве это порядок, чтобы людей возили с превышением скорости! Но проходчики так отчаянно жестикулировали и кричали, что регулировщик махнул рукой и срочно переключил светофор на зелёный. И вот они уже здесь.

...А тем временем в нижнем тоннеле продолжал бесноваться плывун. Было слышно, как всё выше и выше накатываются на ворота тяжёлые волны. Они пока сдерживали давление воды. А вот бетонная рама для такой нагрузки оказалась слабоватой. Дело в том, что в ней находилось несколько плохо защищённых трубок, через которые были протянуты разные провода и шланги. Они-то и не выдержали. Когда новый сильный поток обрушился на затвор, в бетонной раме выбило одну из трубок. Отверстие образовалось небольшое. Однако через

него ударил мощный фонтан. И заревела вода так, что наверху, в штабе, слышали.

В тот момент Костя Татаринovich находился у самого затвора. Струя вырвалась буквально в нескольких сантиметрах от него. Ещё бы чуть-чуть — и не сносить бы ему головы!

Проходчик попытался деревянным клином забить отверстие. Но разве фонтан заткнёшь! Тут же пробку отбросило. А Костю с ног до головы окатило ледяной водой.

— Подожди, не горячись, — сказал рассудительный Скрипников. — Значит, так: тут одному не справиться. Давай вдвоём. Я потихоньку буду наставлять деревяшку, а ты кувалдой её забивай.

Костя со Скрипниковым соорудили из стального листа щит. Прикрылись за ним, словно рыцари, и прямо пошли под струю. Веером разлетаются во все стороны брызги, а два отчаянных человека идут напролом. Вода отгоняет их назад, но они снова наступают. Вот ещё один шаг сделали, вот ещё один... Вдруг какой-то проходчик закричал:

— Вода обходит нас!

Из верхнего тоннеля через переход обрушился целый водопад. Вторично в эту ночь под землёй пронзительно завывала сирена: «Всем покинуть тоннель!» Заработали сразу обе клетки подъёмника.

В предутреннем, чуть зарумяненном рассвете вышли люди на шахтную площадку. И тут особенно чётко стало видно, какие чёрные, осунувшиеся были у них лица. Вся одежда до нитки вымокла. В карманы, в сапоги, за пазуху набилось песку. Проходчиков душила обида. С таким трудом пробивали в мёрзлом грунте эти тоннели! Сколько силы, пота вложили в них! И вот на — полгода труда пропало.

К Скрипникову подошла жена. Всю ночь она простояла на посту. Рабочим у подъёмника не приходилось непосредственно воевать с пловуном, но они в большой тревоге обеспечивали сражающимся тылы.

— Неужели всё кончено? — спросила Нина...

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

— Алло, профессор? Здравствуйте. Говорят с двести тринадцатой шахты. Мы хотели бы услышать ответ. Готов ли он? Не рано ли звоним?

— Немножко рановато. Пробы и анализы пока ещё в лаборатории.

— Дайте хоть предварительное заключение.

— Хорошо, скажу. В общих словах, конечно. — Он слегка откашлялся, отстранив трубку. Потом продолжал: — Как показали исследования, вы проморозили русло подземной реки достаточно прочно! И она бы не растаяла, не превратилась бы в плавучую землю, если бы не коварный нрав льда. Получилось, видимо, так, что созданная вами искусственная подземная льдина сама собой раскололась.

— Кто же, по-вашему, недоглядел — проходчики или бурильщики?

— Нет, среди них виновных не ищите. Тут действовали природные законы, которые, к сожалению, людям пока не подвластны.

(Продолжение следует.)

Каждый день в мире происходят десятки самых разных событий. Одни события забываются почти сразу, проходят бесследно, другие надолго остаются в памяти людей, навсегда входят в историю народов. Вот о некоторых из таких событий мы и будем рассказывать на страницах нашего журнала и назовём эту рубрику МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЧТА.

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Необычное происшествие на Трафальгарской площади

Это случилось в Лондоне, столице Англии. Ранним утром два человека пересекли пустынную ещё в эти часы Трафальгарскую площадь и остановились возле уходящей ввысь пятидесятиметровой колонны. Колонну эту много лет назад благодарные англичане воздвигли в честь знаменитого адмирала Нельсона, в память о победах, одержанных британским адмиралом в морских сражениях. Для коренных жителей Лондона колонна давно уже стала привычной, примелькалась, а заезжие туристы приходят сюда, чтобы осмотреть памятник адмиралу, пощёлкать фото- и киноаппаратами.

Но эти двое были совсем не похожи на туристов. И вели они себя удивительно. Подобно скалолазам или альпинистам, они начали стремительно взбираться вверх по отвесной колонне. И делали это так ловко, так умело, так быстро, что, когда спохватилась полиция, было уже поздно. Оба смельчака оказались недостижимыми для полицейских.

А тем временем толпа на площади росла. Люди запрокидывали головы, смотрели туда, где на самом верху колонны, рядом с бронзовым адмиралом, отчётливо были видны две человеческие фигуры.

Полицейские суеутились внизу, пытались подняться по пожарной лестнице, через мегафон грозно приказывали двум неизвестным спуститься вниз, но всё было напрасно.

Толпа уже заполонила площадь. Остановилось движение на соседних улицах. Примчались репортёры газет и телевидения.

Во имя чего забрались эти смельчаки на колонну в центре Лондона? Чего они добивались! Против чего протестовали!

Вот они развернули знамя-плакат, и люди внизу поняли, ради чего эти двое рисковали жизнью. Они протестовали против той помощи, которую оказывают английские банки и компании расистскому режиму в Южно-Африканской Республике. Они хотели, чтобы как можно больше людей узнали об этом.

В Южно-Африканской Республике, стране, расположенной на самом юге Африки, уже многие годы у власти стоят расисты. В этом государстве жизнь человека, его свобода, его права — всё зависит от цвета кожи. Если у тебя чёрная кожа, ты имеешь право лишь на то, чтобы за жалкие гроши работать в шахтах и рудниках, добывать для белых богачей алмазы и золото. Если у тебя чёрная кожа, тебя могут в любую минуту обыскать, арестовать, подвергнуть пыткам или убить. Если у тебя чёрная кожа, тебя могут выгнать, выселить из родных мест и заставить жить в специальных поселениях, похожих на концлагеря.

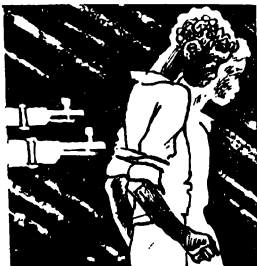
Недавно в этой стране произошёл такой случай. Жила там белая женщина, жила себе без особых забот, не особенно задумываясь, как живётся в её родной стране людям с тёмной кожей. И вот однажды она заболела. Заболела особой болезнью, при которой кожа начинает темнеть. И вот тут для неё началась новая, страшная жизнь. Её не пускали в автобусы и кинотеатры, её заставили уйти с работы, её бросил муж, наконец, её покинули дети. Она оказалась отверженной — она поняла, каково

в стране, именуемой Южно-Африканской Республикой, иметь тёмную кожу!

Но, конечно, эта история лишь пустяк, мелочь по сравнению с десятками расстрелянных негритянских школьников, которые требовали лишь одного — права учиться и разговаривать на родном языке, мелочь по сравнению с сотнями убитых шахтёров, которые хотели лишь одного — жить по-человечески.

Нынче большинство стран мира не желает иметь никаких отношений с расистами Южной Африки. Корабли многих и многих государств мира никогда не заходят в гавани Южно-Африканской Республики, самолёты многих и многих государств никогда не приземляются на её аэродромах. Расисты Южной Африки окружены презрением и гневом народов мира. Да и внутри страны тысячи людей встают на путь борьбы с расистским правительством.

Но как же тогда расистам удаётся удержаться у власти! Неужели они так сильны, так могущественны! Нет, дело, конечно, не в этом. Не поддерживая расистов, стоящих у власти в Южно-Африканской Республике, капиталисты, владельцы разного рода компаний, не протягивая им руку помощи банкиры Англии и Соединённых Штатов, расистам давно бы уже пришлось отправиться на свалку истории.

Правда, на словах капиталисты, и банкиры, и правители капиталистических стран не прочь осудить расистское правительство Южно-Африканской Республики, но на деле они больше всего боятся лишь одного — как бы рудники и шахты, где добывают золото и уран, не перешли в руки народа. Вкладывая свои деньги в южноафриканские предприятия, устанавливая связи с южноафриканскими компаниями, капиталисты получают огромные прибыли и, конечно, не думают добровольно отказываться от них. Вот почему они продолжают тайно поддерживать расистский режим, продолжают помогать ему.

Об этом-то и решили заявить во всеуслышание два смельчака, забравшихся на колонну Нельсона. Против подобных тайных сделок они и протестовали. И они добились своего. Когда, исполнив задуманное, смельчаки спустились вниз, тысячи людей, собравшихся на площади, приветствовали их возгласами одобрения.

Было бы наивно надеяться, что подобный протест сразу подействует на тех, кто помогает расистам, заставит их одуматься. Конечно, нет. И всё-таки...

И всё-таки, когда тайные сделки перестают быть тайными, когда тысячи людей протестуют против них, не очень-то уютно становится расистам и их покровителям — они чувствуют, что рано или поздно гнев народа обрушится на их головы.

Рис. П. Вискова

Откуда ТЫ Взялся, Чебурашка?

На этот вопрос отвечают те, кто его придумал и сделал.

Сколько тебе ни будет лет, дорогой читатель, ты, конечно же, всё равно не забудешь старых своих знакомцев, населивших мир детства: Конька-горбунка, Иванушку-дурачка, Василису Прекрасную, Красную Шапочку, Дюймовочку, Буратино, доктора Айболита, Карлсона, который живёт на крыше... Их много, но в то же время и мало, потому что создание сказочного героя — дело необыкновенно трудное, ведь настоящий сказочный герой, как правило, абсолютно ни на кого и даже ни на что не похож, хотя и имеет характер живого человека. И вот ровно десять лет назад на киноэкране родились сразу два подобных героя — крокодил Гена и Чебурашка.

Чтобы выяснить, как же всё это случилось, накануне недели детской книги я встретился с писателем Эдуардом Успенским, режиссёром-постановщиком фильма Романом Кочановым, художником-постановщиком Леонидом Шварцманом и композитором Владимиром Шаинским.

— Как же всё-таки появился Чебурашка? С чего всё началось?

Э. УСПЕНСКИЙ:

— Я был в гостях у своего друга, когда к нему пришла трёхлетняя племянница. Была она в длинной коричневой шубе. «А, Чебурашка пришла! — закричал приятель. — Ну, как

дела?» Тогда я впервые услышал это слово. Оно мне понравилось, потому что было связано с чем-то коричневым и пушистым. Я ещё не знал, что это слово есть в словаре Даля (оно означает игрушку — Ваньку-встаньку), и забыл, что есть такой глагол — «чебурахнуться», то есть упасть. Потом через некоторое время в другом доме я увидел самодельную игрушку, составленную из нескольких поломанных. Она тоже была пушистая, разноухая и коричневая. И я решил написать для ребят сказку про такую игрушку. Стал думать над именем — и тут всплыло слово «Чебурашка»... А ещё в литературном запасе у меня была фраза: «В одном городке жил да был крокодил по имени Гена. Каждое утро он просыпался в своей маленькой квартире. Умывался, завтракал и шёл на работу. А работал он в зоопарке крокодилом». Дело в том, что каждое детское произведение, на мой взгляд, есть игра. И условия игры чаще всего объясняются с самого начала. Захочет читатель в неё играть — пусть читает книгу. Не захочет — пусть откладывает. Самое важное — эти условия никогда не нарушать и не выдвигать новых. Это уже нечестно. Так вот, крокодил, работающий в зоопарке, и есть условия игры. Они означают, что в этом городе все звери и животные пользуются равными правами: получают зарплату, живут в квартирах, ездят в такси и троллейбусах...

Итак, у меня был город. В нём жил одинокий крокодил. И ещё у меня был Чебурашка. Когда Чебурашка ожил и стал ходить по улицам, никто не мог сказать, кто он такой. Я ведь и сам этого не знал. Поэтому он превратился в неизвестного науке зверя... Но как же этот зверь попал в город? Вначале я думал, что его нашли где-то в вечной мерзлоте, оттаили и оживили. И что к нему приставлен даже специальный академик, чтобы изучать это доброе мохнатое доледниковое существо. Но тут мне повезло. Мне предложили писать дикторский текст к одному научно-популярному фильму. Там речь шла о хамелеоне, о его повадках и привыч-

ках. И якобы этот хамелеон был найден на складе бананов в нашем южном порту.

Вот тут-то я понял, каким путём Чебурашка попадает в мой город. Да, конечно, в ящике с тропическими фруктами! Всё встало на свои места. Незвестные науке звери, как правило, водятся в тропических лесах. Апельсины нам тоже привозят оттуда. Так что если мой зверёк заберётся в ящик с апельсинами, съест пару-другую и, наевшись, заснёт, то вылезет из ящика он уже там, где мне нужно.

Дальше стало легче. Это была одна из моих первых книг, и я всё проверял её на ребятах в одной больнице. Причём иногда брал туда и редактора. И многие наши споры решались там. Особенно спорной была предпоследняя глава. Я даже не хотел её читать ребятам. Говорю: «Ещё не придумал. Всё. До свидания». И ушёл. Но они подняли бунт: пусть автор вернётся и дочитает до конца. И пришлось идти. В этот день разрешены были посещения родителей, но почему-то в палате сидеть не давали. Надо было читать в холле. И на чтение пришли дети просто, дети с родителями и просто взрослые... Короче, аудитория увеличилась раза в три, и ответственность тоже. Но всё прошло хорошо, и я понял, что книга может получиться. А о мультфильме тогда ещё не было и речи.

— А почему крокодила зовут именно Геной?

— Это загадка для многих, в том числе и для меня. Однажды один критик в одной статье написал, что когда он думает о настоящих произведениях, то в них всегда есть какая-то неожиданность, которая становится закономерностью. Этот критик задумался: а почему крокодила зовут именно Геной? Он долго проверял другие имена: Стёпа, Вася, Коля... Ни одно не подходит... Прочтя рецензию, я тоже стал ломать голову: почему же крокодил — Гена? Наверное, потому, что крокодил всё-таки не российский зверь и Гена — имя тоже не традиционно

русское. Крокодил Ваня или, наоборот, крокодил Эдик звучало бы, пожалуй, искусственно...

— Вопрос режиссёру: признайтесь, кто вас надоумил прочесть книжку про Чебурашку и крокодила Гену?

Р. КОЧАНОВ

— Один маленький мальчик. Он так и сказал: «Дядя, почитай эту книжку, она тебе очень понравится». Прочёл — действительно поправилась. Доброта темы, два прекрасных характера... Успенский эти характеры придумал, а мы, кинематографисты, их сделали.

— Почему, на ваш взгляд, Чебурашка стал так популярен?

Э. УСПЕНСКИЙ:

— Раньше у ребят восхищение всегда вызывал герой сильный: Илья Муромец, Иван-царевич, дядя Стёпа, потому что каждый, наверное, хотел иметь сильного покровителя, каждый о нем мечтал. Сейчас — другое дело. Сейчас каждый малыш сам себя считает сильным и, наоборот, ищет кого-то, кому надо помочь. А Чебурашка как раз и есть то беззащитное существо, которому хочется протянуть руку и оказать помощь. Его хочется погладить, погреть и защитить. И поэтому он всем нравится.

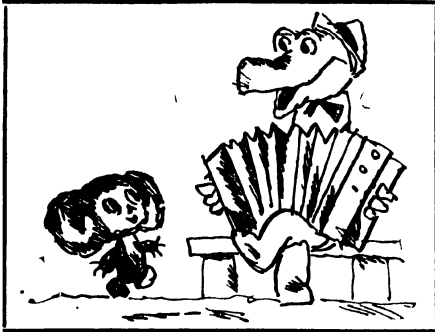
Популярность Чебурашки действительно огромна. Его именем называют детские сады, ясли, кафе, крем, конфеты... Постоянно встречаются значки с его физиономией...

Р. КОЧАНОВ:

— А вот что написала на киностудию мама одного зрителя: «Пожалуйста, если будете ещё делать фильмы про Чебурашку и крокодила Гену, назовите крокодила другим именем. Моего сына тоже зовут Гена, и каждый день он возвращается из школы в слезах — ребята задразнили...» Вот как бывает... Но всё-таки чаще и крокодилом Геной, и Чебурашкой называют любя.

Э. УСПЕНСКИЙ:

— Признаюсь по секрету, Чебурашка иногда меня выручает. Совсем недавно на машине нарушил правила уличного движения — под-

ходит грозный милиционер: «Ваши документы... Писатель? Что же такое написали?» — «Чебурашку придумал». — «Чебурашку? Ну тогда ладно, на первый раз прощаю».

— Интересно, а как образ Чебурашки создавался, так сказать, уже в натуре?

Л. ШВАРЦМАН:

— Прочёл я книжку: кто такой Чебурашка? Написано: «С большими ушами, с большими глазами, лохматый, и очень добрый...» Медвежонок? Нет, не подходит. Лемур? Опять не то. Тот Чебурашка, который был изображён в книжке, меня явно не устраивал, хотя и соответствовал всем параметрам. И вот я стал искать... Рисовал, рисовал... Уши у Чебурашки становились всё больше, ножки — всё меньше, пока не оказались одни лишь лапки.

А цвет — цвет самый тёплый: оранжево-коричневый...

С крокодилом Геной получились свои сложности. Потому что уже есть масса разных крокодилов — от придуманного Чуковским до того, который на обложке сатирического журнала. Наш крокодил от всех прочих должен был отличаться. И, пожалуй, мы этого достигли. Крокодил Гена — личность весьма респектабельная. И одет он своеобразно: галстук-бабочка, пиджак, но штанов-то, между прочим, нету, хотя этого почему-то никто не замечает.

— Надо признать, что половина успеха в фильме «Чебурашка» принадлежит песне. С этой песней происходят просто чудеса: я встречал детей, которые из всех песен знают только её одну. Да что дети — взрослые тоже с превеликим удовольствием выводят: «Я играю на гармошке...»

Р. КОЧАНОВ:

— А ведь сначала я от песни в принципе отказывался, поскольку в таком коротеньком фильме, как наш, песня сюжету обычно мешает. Но и мелодия, предложенная Владимиром Шаинским, и стихи, написанные Александром Тимофеевским, настолько пришлись по душе, что решил рискнуть.

В. ШАИНСКИЙ:

— Никогда нельзя заранее предсказать, станет песня популярной или нет. Конечно, популярная песня не может быть бездарной, и поэтому автор очень рад, если его творение в моде. Важно, что песня крокодила Гены органически вошла в ткань фильма, не стала там инородным телом. А для третьей серии я написал целых две песни. Одна — та, которую поют туристы-браконьеры («Укрепляют наши нервы воздух средней полосы, и картошка, и консервы, и два круга колбасы...»), но больше всего хлопот доставила другая песенка — «Голубой вагон». Ибо мы поставили перед собой весьма

дерзкую задачу — написать песню, которая была бы лучше, чем «Я играю на гармошке». Сколько вариантов забраковали! Но вроде в конце концов удалось...

— Можно подсказать сюжет четвёртой серии? Допустим, ваши герои попадают в город на Неве...

Э. УСПЕНСКИЙ:

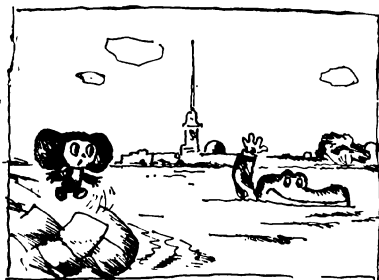
— Тогда крокодил Гена, вероятно, вспомнив, что вода всё-таки его стихия, сразу нырнёт в невские волны...

Р. КОЧАНОВ:

— А Чебурашка, по неведению, наверняка испугается за своего друга и начнёт в тревоге бегать вдоль гранитных парапетов...

Л. ШВАРЦМАН:

— В общем, всё это будет выглядеть примерно так...

В. ШАИНСКИЙ:

— Ну а мелодию, под которую он поплывёт, я сочиню чуть-чуть позже. Что-нибудь мажорное...

Брал интервью Лев СИДОРОВСКИЙ

Рис. Г. Ясинского

Мих. САДОВСКИЙ

Как хорошо!

*Как хорошо,
Что есть на свете птицы,
Как хорошо,
Что есть на свете рыбы,
Как хорошо,
Что есть на свете звери,
Как хорошо,
Что есть на свете травы,
Как хорошо,
Что их увидеть можно,
Услышать, и погладить,
И понюхать,
Как хорошо,
Что с ними каждый может
Встречаться,
Разговаривать,
Дружить!*

Давным-давно жило одно племя индейцев. Летом они забирались далеко на Север, в Страну Льдов, где водилась хорошая рыба, а с наступлением зимы покидали эти места. Свирепый старик Кабибонокка, Северный Ветер, изгонял их из своих владений. Зимой рыбаки селились в стране Южного Ветра — Шавондази. Тот был добрее Кабибонокки. В его стране круглый год царил лето. Это он, Шавондази, весной устремлялся на Север и освобождал озёра и реки от льда, а вслед за ним и рыбаки снова уходили на рыбный промысел. Летом и осенью у Шавондази бывало особенно много дела. С его помощью росли цветы и травы, вызревали плоды и злаки. И тогда земля становилась прекрасной!

Но после этой работы Шавондази уставал. Осенью он частенько забирался на вершину скалы и, погружённый в думы, часами сидел там и курил большую трубку. Дым из его трубки стлался над землёй лёгким прозрачным паром. Ни дуновения ветерка, ни облачка на небе — повсюду мир и тишина.

Для индейцев то было лучшим временем года. Заготовив пищу на зиму, они могли позволить себе отдохнуть. Эту пору они называли индейским летом. Но для рыбаков, которые ставили сети на Крайнем Севере, индейское лето как бы служило предупреждением. Они знали, что надо поторапливаться. Шавондази, Южный Ветер, скоро уснёт, и тогда лютый старик Кабибонокка явится и прогонит их отсюда.

И вот однажды утром они увидели, что озеро покрылось тонким слоем льда. Потом повалил снег, а через несколько дней толстый лёд сковал озеро.

— Кабибонокка идёт! — кричали рыбаки. — Он скоро будет здесь! Пора уходить!

Но рыбак Шингебис, по прозвищу Нырок, в ответ только смеялся.

Шингебис всегда смеялся. Он смеялся, когда ему удавалось поймать много рыбы, смеялся, когда ему ничего не попадалось. Он всегда был весел.

— Зачем мне уходить? — спрашивал он своих сородичей. — Я могу понаделать прорубей и удить рыбу удочкой. Какое мне дело до старого Кабибонокки.

Они глядели на него во все глаза и дивились смелости.

— Слов нет, — толковали они между собой, — Шингебис очень умный человек. Он даже может превращаться в утку. Потому и прозвали

его Шингебис — вырок. Но разве это поможет устоять против ужасного Северного Ветра?

— Кабибонокка сильнее тебя, — уговаривали они Шингебиса. — Самые могучие деревья и те сгибаются под его напором. Реки замерзают от одного его прикосновения. Если ты не сможешь превратиться в медведя или рыбу, он заморозит тебя насмерть.

Но в ответ Шингебис лишь смеялся.

— меховая одежда и рукавицы защитят меня днём, а ночью меня согреет огонь, который я разведу в вигваме. Пусть Кабибонокка только осмелится войти в моё жилище!

С грустью расставались рыбаки со своим товарищем. По правде говоря, не надеялись вновь с ним увидеться.

Как только рыбаки уплыли на своих пирогах, Шингебис, не теряя времени, принялся запасать топливо. Позади его вигвама стоял густой тёмный лес. Он срубил там несколько самых высоких деревьев, набрал валежника и сухой коры на растопку, и по вечерам в его вигваме весело потрескивал яркий огонь.

А по утрам Шингебис уходил на озеро, делал проруби и ловил рыбу. Только к вечеру он шёл домой по утоптанной снежной тропинке, волоча за собой длинную связку рыбы, и напевал весёлую песенку.

Но так продолжалось недолго.

Однажды пожаловал Кабибонокка и увидел Шингебиса, возвращавшегося к себе в вигвам.

— У-у-у! — завыл Кабибонокка. — Кто дерзнул остаться здесь после того, как дикие утки и гуси улетели на юг? Посмотрим, кто здесь хозяин! Сегодня же ночью ворвусь в вигвам и задую огонь! У-у-у!

Наступила ночь. Шингебис сидел в вигваме и грелся у огня, горевшего жарким пламенем: каждое полено было такой необыкновенной толщины, что его могло бы хватить на целый месяц! В котле варилась огромная рыба. Рыбный дух щекотал ноздри, и Шингебис потирал руки от удовольствия. Он сегодня порядком устал и промёрз. В ожидании ужина он сидел, вспоминал своих родичей и жалел, что они его не послушались.

«Думают, что Кабибонокка злой дух, — рассуждал сам с собой Шингебис, — и что он сильнее индейца. А я уверен, что он такой же человек, как я. Правда, я не могу выносить такого сильного холода, как это может Кабибонокка. Но зато, в отличие от меня, он не терпит жары».

Эти мысли привели его в хорошее расположение духа. Он стал громко распевать и смеяться, а затем преспокойно поужинал, не обращая внимания на дикие завывания Кабибонокки.

Снег снаружи падал сплошной пеленой, и, когда достигал земли, Кабибонокка подхватывал его и швырял в вигвам. Так он намёл высокие сугробы, которые, как одеяло, защищали вигвам от пронзительного ветра. Вскоре, однако, Кабибонокка понял свою оплошность и рассвирепел ещё больше. Он бросился к входу в вигвам Шингебиса и завыл страшным голосом, который мог бы напугать любого, но не Шингебиса. В этой огромной Стране Льдов, где всегда стояла необыкновенная тишина, шум и грохот, поднятый Кабибоноккой, вносил разнообразие, и это даже нравилось Шингебису. Потому он рассмеялся и крикнул:

— Эй, Кабибонокка, будь поосторожней, как бы у тебя щёки не лопнули от патуги!

Теперь под напором Северного Ветра вигвам весь сотрясался

— Входи, Кабибонокка! — весело позвал Шингебис. — Зайди, погрейся! Не бойся!

Услышав эти насмешки, Кабибонокка собрал всю свою силу, рванул дверную кожаную занавеску и проник внутрь жилища.

Каким холодом повеяло от его дыхания! В жарко натопленном вигваме поднялись клубы пара. Но Шингебис притворился, что не замечает этого. Он встал и, весело напевая, подбросил в огонь ещё одно полено.

Большое сосновое полено запылало так ярко, что даже Шингебису пришлось отсесть подальше от огня. Он посмотрел на Кабибонокку. То, что он увидел, заставило его расхохотаться. По лицу свирепого Кабибонокки стекали струйки пота. Сосульки и снег, застрявшие в его волосах, растаяли. И сам Кабибонокка, неистовый Северный Ветер, таял на глазах. Нос и уши его заметно уменьшились, похудело и тело лютого старика.

— Подойди поближе к огоньку, — не унимался Шингебис, — погрей свои ручки и пожки.

Но Кабибонокка пуще всего боялся огня. Он бросился вон из вигвама.

Холодный воздух сразу восстановил силы Кабибонокки и удесятирил его гнев. Теперь он изливал свою ярость на всё, что попадалось ему на пути. Снег захрустел под его тяжёлой поступью. Деревья задрожали от

его ледяного дыхания. Все твари попрятались, чтоб не попасться под сердитую руку Кабибонокки.

Но вот Кабибонокка снова приблизился к вигваму Шингебиса и грозным окриком позвал:

— Эй, ты, выходи, если осмелишься, и давай померяемся силами здесь, на снегу, и поглядим тогда, кто хозяин Страны Льдов.

Шингебис с минуту колебался. «Огонь, должно быть, ослабил его, — размышлял Шингебис, — я же хорошо согрелся. Когда он увидит, что я сильнее его, он оставит меня в покое. И тогда я смогу оставаться здесь сколько пожелаю».

Шингебис выбежал из вигвама, и великая борьба началась!

Они дрались до рассвета. Но Шингебис не чувствовал холода, потому что был всё время в движении, и от этого кровь в его жилах текла быстрее. Зато силы Кабибонокки заметно иссякали. Его дыхание уже не было порывистым ветром, а всего лишь слабым вздохом.

Наконец, когда на востоке взошло солнце, обессиленный борьбой Кабибонокка отступил и с позором бежал далеко-далеко на Север, на самый край света.

И ещё долго до него доносились громкий хохот и насмешки Шингебиса.

Перевела с английского и пересказала
для детей П. ДЛУГОЛЕНСКАЯ

Рис. Ю. Бочкарёва

Гюдмила ФАДЕЕВА

Что рассказал Вова

Рис. Л. Московского

Сегодня видел я скворца —
Весёлый он такой.
Я так и побежал с крыльца,
Машу ему рукой.
Он свистнул радостно: «Привет!»
Подпрыгнул: «Здравствуй, друг!»
«Привет!» — я просвистел в ответ
И сам подпрыгнул вдруг.
Он свистнул: «Хорошо кругом!»
Я свистнул: «Хорошо!»
Но тут меня позвали в дом,
И я домой пошёл.
Я видел, уходя к крыльцу,
Скворец был огорчён.
«До завтра!» — свистнул я скворцу,
«До завтра!» — свистнул он.

В. НИКОЛАЕВ

Не приняли

Вы про «Клуб знаменитых капитанов» знаете? И неудивительно. Про него все знают.

А про «Клуб знаменитых хвастунов»? Не слышали даже? А, между прочим, есть такой.

В него ещё Чуточкина из пятого «б» не приняли.

Пришёл он туда, а там придирались начали, вопросы всякие задавать. С подковырками!.. Мюнхаузен этот... Потом Тартарен, который из Тараскона. Потом Хлестаков, капитан Врунгель... Придираются. Главное — по мелочам всё.

Заявление Чуточкин написал — что надо!

«Прошу, — написал, — принять меня в «Клуб знаменитых хвастунов». Потому, что хочу быть знаменитым».

Коротко и ясно.

А они — с вопросами. Мюнхаузен, этот барон, спрашивает:

— Итак, любезный, вы желаете стать хвастуном?

Хитрец! Подковырку какую придумал!.. Только Чуточкин сразу уловил её, прямо рубит:

— Ничего я не желаю. Я уже давно хвастун!

Тут Хлестаков, из «Ревизора» который:

— Ой ли, так ли? — Бровями зашевелил. — Тогда ответьте нам: кто есть хвастун?

— Человек, — говорит Чуточкин. — Такой, значит, человек... Жизнерадостный.

А они перебивают, сосредоточиться не дают. Мюнхаузен опять же.

— Почему именно жизнерадостный? — спрашивает. Словарь какой-то вытащил, читать стал. Вслух. — «Хвастун: самоквал, фанфарон, бахвал, похвальбишка». Про жизнерадостность ничего не сказано, — говорит.

— Потому жизнерадостный, — настаивает Чуточкин, — что всё вокруг видит он прекрасным. Ожгут его крапивой, а он говорит: «Какие розы подарили мне друзья!»

— А для чего, — это Хлестаков опять, — люди хвастают?

— Для этого самого, — говорит Чуточкин. — Для хорошего отношения к человеку. У нас в классе, к примеру, Шурка Иванов — самбист, Маринка Николаева на скрипке играет, Мишка Громов — звеньевой. А я кто? Про них все говорят. А про меня кто? Им грамоты разные дают. А мне что? Их на соревнования посылают. А меня куда? А я что? Я, может, тоже

желаю. Чтобы ко мне хорошо относились.

Верно, здорово ответил? Ещё как! Врунгель даже головой закивал.

— Резонно,— говорит.— Человек хвастается для того, чтобы стать заметным. Выделиться. Отличиться не по заслугам.

Тут они между собой заспорили. Хлестаков согласился, а Мюнхаузен с Тартареном — поперёк.

— Необязательно,— говорят.— Прихвастнуть иногда можно и от чистого сердца. Друзей развлечь разговором занятым, грустного отдум тяжёлых отвлечь, больного успокоить, развеселить...

Двое на двое у них получилось. Если бы не двое на двое, так, может быть, и приняли бы Чуточкина, а так большинства-то нет!..

Хлестаков дополнительный вопрос выдумал:

— Вот вы, к примеру, чем, собственно, хвастались?

— Разным,— говорит Чуточкин.— Рассказывал, как с парашютной вышки прыгал... Потом про то, что могу двадцать пломбиров съест сразу... Ну, про дядю ещё...

Вот про дядю — это он, конечно, зря вспомнил. Ох, зря!..

Дядя у него на заводе работает. А Чуточкин его директором стадиона сделал. В классе тогда все обрадовались, загалдели!.. Потре-

бовали даже, чтобы Чуточкин со своим дядей переговорил. Насчёт поля для тренировок. «Можешь?» — говорят. Что тут было делать? К тому же Чуточкин тогда распалился здорово, в азарт вошёл. «Я всё могу!» — говорит. Даже день для первой тренировки назначил. А сам и не пришёл. На другой конец города к бабушке уехал.

Из-за этого дяди всё и получилось не так. Тартарен придрался.

— Н-да,— говорит,— некрасиво как-то...

— Представляю,— заулыбался Мюнхаузен,— какими жизнерадостными выглядели ваши друзья, когда вы к бабушке уехали!..

— Где же тут хорошее отношение,— забубнил Врунгель,— если все ждут, а ждать-то и некого?..

Хлестаков тоже:

— Это,— говорит,— и не хвастовство уже. Это — обман.

А началось-то с чего? Надо же в корень смотреть! Ведь если бы Чуточкин не похвастался насчёт дяди... Да что там говорить! Придрались к пустяку — и только. Не поняли. Обидели человека. Каково ему теперь — Чуточкину? Он же надеялся. Заранее всю школу оповестил: «Меня, мол, в такой клуб приняли, что вам и не снилось!»

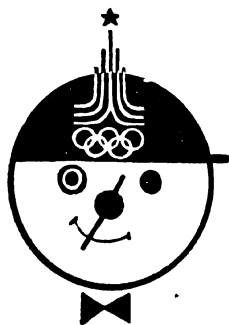
А его и не приняли.

Ерунда получается!.. Из других-то школ принимают ведь!..

Рис. К. Дмитрикова

Через полторы тысячи лет

В 1889 году француз Пьер де Кубертэн получил от правительства задание — изучить, как идёт в стране физическое воспитание. Для этого было бы неплохо сравнить, как оно идёт в других странах. Кубертэн составил длинный список вопросов и разослал во все страны мира с просьбой сообщить, как организуются физические упражнения в университетах и гимназиях этих стран. Полученные ответы удручили Кубертэна: атлетика (так в прошлом веке называли различные виды спорта) была на грани полного забвения. Слишком мало людей на планете думали тогда о своём физическом развитии, о своих мускулах и красоте. Зато слишком многие рисковали

стать хилыми и слабыми. Даже те, кто занимался каким-либо видом спорта, больше спорили между собой: гребцы с гимнастами, футболисты с велосипедистами... Каждый доказывал, что именно его любимый вид спорта — лучший и полезнейший.

Пьер де Кубертэн хорошо знал историю Древней Греции. В детстве он зачитывался книгами о подвигах Геракла, о непобедимых спартанцах, о жизни и обычаях древней Эллады. И нет ничего удивительного в том, что ему всё больше приходила мысль о возрождении Олимпийских игр. Неутомимый француз был твёрдо убеждён в том, что, подобные древним, Олимпийские игры могли бы помочь людям всей планеты вновь обрести «дух свободы, мирного соревнования и физического совершенствования».

25 ноября 1892 года в старейшем учебном заведении Франции Сорбонне Кубертэн выступил с докладом о необходимости возрождения древних Олимпиад, а два года спустя удалось собрать международную конференцию. Тринадцать стран прислали на неё своих представителей, и ещё двадцать одна страна присоединилась письменно к создаваемой организации МОК — Международному олимпийскому комитету. Тогда-то и было решено: возродить Олимпийские игры!

Первые, возрождённые, они состоялись в 1896 году в Греции, в Афинах. 311 спортсменов из тринадцати стран съехались тогда на землю древней Эллады. Прозвучал олимпийский гимн, прогремели пушечные залпы, взлетели в небо белые голуби мира, и 80 тысяч зрителей стали первыми свидетелями возрождённых Олимпийских игр.

Началась новая эра олимпийских состязаний.

Как и в древности, через каждые четыре года стали собираться лучшие спортсмены мира, чтобы в честных поединках выяснить, кто же из них самый быстрый, самый сильный, самый ловкий. Собираться стали не только в Греции. Олимпийские игры шествуют теперь по всей планете. 1900 год — Париж, 1904-й — Сент-Луис, 1908-й — Лондон,

1912-й — Стокгольм, 1920-й — Антверпен... Стоп! А где же 1916-й?.. Мировая война оказалась сильнее мирной идеи Олимпийских игр и разорвала их непрерывную цепочку. Прервала игры и вторая мировая война. Но едва замолкли пушки, вновь собирались спортсмены: 1948-й год — Лондон, 1952-й — Хельсинки, 1956-й — Мельбурн, 1960-й — Рим, 1964-й — Токио, 1968-й — Мехико, 1972-й — Мюнхен, 1976-й — Монреаль.

За двадцать минувших с 1896 года Олимпиад у Олимпийских игр сложились свои традиции, появились свои атрибуты.

Олимпийская эмблема — пять переплетённых колец — была предложена Пьером де Кубер্তеном в 1913 году. Кольца на ней голубого, чёрного, красного, жёлтого и зелёного цветов. Почему? Во флаге любой страны есть хотя бы один из этих цветов, а Олимпийские игры приглашают к участию все народы земного шара. Кроме того, пять переплетённых колец символизируют единство пяти континентов нашей планеты.

В олимпийскую эмблему входит также девиз: «Citrus, abtius, fortius» («Быстрее, выше, сильнее»).

По предложению того же Пьера де Кубертена в 1913 году Международным олимпийским комитетом был утверждён и олимпийский флаг. Впервые его белое полотнище с пятью переплетёнными кольцами было поднято в 1914 году в Париже на праздновании 20-летия возрождения Олимпийских игр. (Не смущайтесь разницей в два года. Праздновалось создание Олимпийского комитета 23 июня 1894 года). На самих же Олимпийских играх флаг появился лишь в 1920 году, подаренный Олимпийским комитетом Бельгии.

На Олимпиаде-1920 в Антверпене впервые прозвучала и олимпийская клятва: «От имени всех спортсменов я обещаю, что мы будем участвовать в этих Олимпийских играх, уважая и соблюдая правила, по которым они проводятся, в истинно спортивном духе, во славу спорта и во имя чести своих команд». Первым произнёс её бельгийский фехтовальщик Виктор Буан.

А вот олимпийский огонь можно считать пришедшим из далёкой древности. Ведь и сегодня факел олимпийского огня зажигают от солнечных лучей на земле древней Олимпии. Дальше начинается эстафета: этот огонь несут спортсмены стран, которые лежат на пути к стадиону наступающих Олимпийских игр. Днём и ночью, в дождь и в зной, через горы и через реки несут спортсмены олимпийское пламя. Они бегут и плывут на пароходах (если на пути встаёт океан), летят на самолётах, спешат на мотоциклах и скачут на лошадях — пока не донесут его до главного олимпийского стадиона. Потом он вспыхнет в большой олимпийской чаше. Впервые вспыхнул он в чаше берлинского стадиона в 1936 году и теперь уже совсем скоро зажжётся в столице нашей Родины.

...Лежит на стадионе беговая дорожка. Давным-давно, ещё до нашей эры, начался на ней бег. Сколько километров пробежали по ней спортсмены, какую дистанцию преодолели они все вместе, сосчитать уже невозможно.

А над дорожкой летит время.
Его сосчитать можно.
От первых исторических зарегистрированных
Олимпийских игр до Олимпиады-80 в Москве ди-
станция в 2756 лет.

АРХИВАРИУС

Рис. Н. Нефёдова

Алексей СТАРИКОВ

Мальчишки

Зима вдруг простудилась —
Бывает же такое!
Перед её болезнью
Бессильны доктора.
Бегут из-под сугробов
Ручьи, впадая в «море»,
Лежащее по центру
Квадратного двора.
Соседские мальчишки —
Душою мореходы
(Позвали их обедать,
Но им не до еды),
Забыв про все на свете,
Пускают пароходы
Руками ледяными
От ледяной воды.
Суда, качнув бортами,
Отходят от причала,
И кажется мальчишкам,
Что и они плывут
На кораблях бумажных,
Что вот оно — начало
Опасных приключений,
Которые их ждут.

Рис. Л. Московского

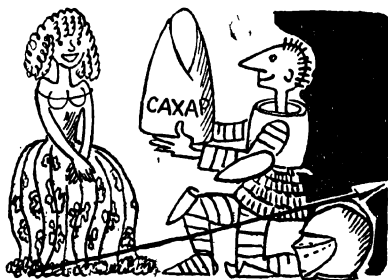
самое РЕКОРДЫ ГАСТРОНОМИИ самое

САМЫЙ древний мёд найден недавно в одной из древнеегипетских пирамид, построенной примерно пять тысяч лет тому назад. Значит, пчеловодство существовало уже в Древнем Египте.

САМОЕ первое в мире кафе-мороженое было открыто в Париже в 1660 году флорентийцем Колтелло, изготавливавшим мороженое с помощью охлажденной смеси из льда и соли.

САМОЕ большое количество блюд из змей готовится в Японии. На этом специализируются триста ресторанов, постоянно имеющих в своём меню блюда из змей — варёных, жареных и даже сырых. Ежегодно в стране съедается около 200 тысяч ядовитых змей и около миллиона неядовитых.

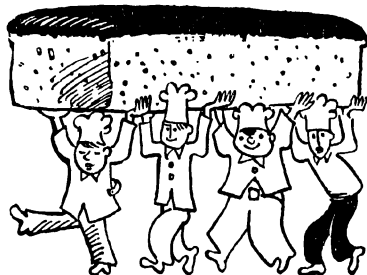

САМОЕ первое появление сахара в Европе относится к XII веку. Этот продукт привезли в Европу возвратившиеся из походов на Восток крестоносцы.

САМЫЙ гигантский омлет, весом в 374 килограмма, изготовлен в рекламных целях в испанском городе Луго. На приготовление блюда пошло около 500 яиц, 60 литров молока, 10 килограммов сосисок и несколько мешков картофеля и лука.

САМЫМИ большими любителями кофе являются датчане. Каждый из них в среднем потребляет за год 12 килограммов кофе.

САМЫМ распространённым продуктом питания среди людей земного шара является рис. Им кормится больше половины человечества — жители Китая, Японии, Индии, Индонезии, Вьетнама и смежных с ними стран.

САМУЮ тяжёлую буханку хлеба выпекли в западногерманском городе Бамберг. Буханка-рекордсмен длиной 8,5 метра весит 256 килограммов. В печи она находилась три с половиной часа.

САМОМУ древнему в мире рецепту сыра две тысячи лет. Он ведёт своё происхождение из Древней Персии. По этому рецепту сыр надо было готовить «из молока овечьего и коровьего, просушенного на солнце и сдобренного благовонными кореньями».

САМЫЙ первый отечественный сахар из свёклы был получен в промышленном масштабе в 1800 году, когда в селе Алябьева Тульской губернии начал действовать первый в России свёкло-сахарный завод.

самое СОВРАТ В КОЗИЦКИЙ самое

* Пёстрые ♦ заметки ♦ Пёстрые ♦ заметки

Пёстрые ♦ заметки ♦ Пёстрые ♦ заметки ♦ Пёстрые ♦ заметки ♦ Пёстрые ♦ заметки

ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ МИЛЛИОНА

Такого количества достигло население нашего города. Это самая большая цифра с его основания. В 1764 году, когда впервые сосчитали жителей Петербурга, их оказалось всего 150 тысяч.

Если в 1910 году каждый пятый житель города не умел читать и писать, то к 1970 году на каждую тысячу жителей приходилось 119 человек с законченным высшим образованием и 327 с законченным средним.

Сегодняшний Ленинград — один из самых многонациональных городов страны. Представители более ста народностей СССР постоянно живут в нём.

ПЕРВАЯ В МИРЕ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ

В столице Армении — Ереване открыта первая в мире детская картинная галерея. Здесь демонстрируются работы не только юных армянских художников, но и их ровесников из других республик Советского Союза и зарубежных стран.

Авторам произведений от шести до тринадцати лет. В их рисунках отражён красочный мир счастливого детства.

ЕЩЕ ОДНА МАЛАЯ

В Эстонском городе Кохтла-Ярве завершается строительство детской железной дороги. К весне городские предприятия-шефы приведут в порядок территорию будущих станций, построят уютные павильоны и сдадут узкоколейку новым хозяевам — детям. По ней уже проведён пробный рейс. Первыми пассажирами были взрослые — строители.

АВТОМОБИЛЬ НА... ЛАДОНИ!

В Доме пионеров города Глазова (Удмуртская ССР) создан необычный музей, рассказывающий об истории советского автомобилестроения. Здесь первенец отечественной автомобильной индустрии грузовик АМО-Ф-15 и его младшие собратья — ЗИЛ-130 и ГАЗ-66, малолитражки «Москвич-401» и «Москвич-412». Хотя каждый миниатюрный автомобиль может разместиться на ладони, всё в нём, как в настоящем: чётко работает двигатель, включаются фары и указатели поворотов. Модели могут развивать на картодроме скорость до 70 километров в час.

Авторы этой коллекции — 22 юных техника со своим руководителем В. Б. Крошниковым неоднократно экспонировали свои модели на ВДНХ СССР и имеют медали.

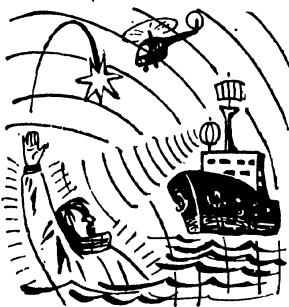
...в нашей стране уделяется огромное внимание созданию материальной базы внешкольных учреждений! В Советском Союзе создано 2900 клубов и станций юных техников и натуралистов, 3500 Дворцов и Домов пионеров, 2700 детских парков, 40 детских железных дорог, 125 детских театров, 250 тысяч детских библиотек, издаётся 68 детских газет и журналов.

...медики рекомендовали новое средство против морской болезни! Это питьевая сода. Она стимулирует обменные процессы в организме, нарушенные укачиванием. Длительные исследования и опыты подтвердили предположения медиков. Когда подверженный укачиванию человек принимал рекомендованное лекарство, он прекрасно чувствовал себя в автобусе, в самолёте и на борту судна.

...Индия занимает первое место в мире по производству чая, а потребляет его очень мало! Всего 40 граммов на душу населения в год. Самые большие чаевники — ирландцы. В год они потребляют 3 килограмма 87 граммов чая на душу населения. За ними следуют англичане. А вот в Италии чай не в почете. 5 граммов в год потребляют его там на каждого жителя.

...почти каждый седьмой гражданин планеты знает или изучает русский язык! Число изучающих русский в мире увеличивается примерно на 1 миллион каждые два года. Сейчас его изучают в более чем 90 странах около 20 миллионов человек. За рубежом насчитывается 120 тысяч преподавателей русского языка.

...в США разработан спасательный костюм для терпящих бедствие в водной стихии! Он изготовлен из покрытого золотом майлара, отражающего свет. Человек в таком костюме легко обнаруживается с помощью радиолокационной аппаратуры на расстоянии до 65 километров. Костюм хорошо защищает от воды и сохраняет тепло, что имеет особое значение для арктических районов.

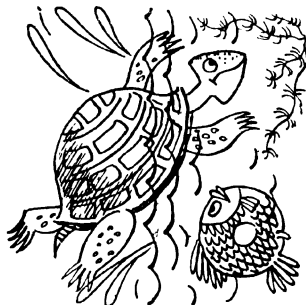
...новый океанариум открылся на побережье Индийского океана близ Мамбасы (Кения)! В нём собраны около 100 видов редких обитателей фауны этого района океана: акулы, угри, рыбы самых диких форм и окраски, морские черепахи... Океанариум сделан в виде круглого бассейна. Жизнь его обитателей можно наблюдать как с верхней площадки, так и через окна, вделанные в стены океанариума.

...в индийском штате Керала на автобусных станциях работает «банк честности»! Он представляет собой фанерную фигуру полицейского с двумя на-

грудными карманами. В правом кармане деньги, которые может взять свободно каждый, у кого не хватает на автобусный билет. Берущий деньги должен при случае вернуть деньги, положив их в левый карман. Приветствуются и добровольные пожертвования, ведь всегда может возникнуть необходимость воспользоваться этим оригинальным «банком».

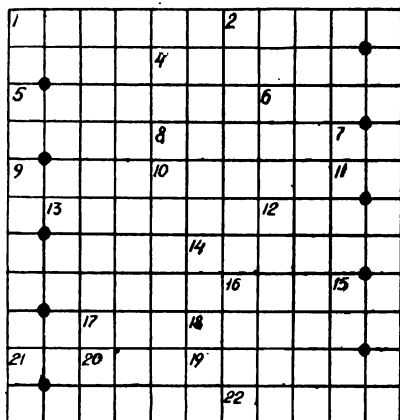
...в финской золотоносной провинции Танкаваара открыт музей золотоискателей! В небольшом бревенчатом доме, части которого были бережно перенесены из района, где жили первые финские золотоискатели в прошлом веке, собрано много интересных экспонатов. Президент Финляндии Кекконен на открытии музея сказал, что как профессия и образ жизни промывка золота исчезает. Поэтому самое время сохранить традиции с помощью музея.

...бывают черепахи, голова которых имеет треугольную форму! Такие странные черепахи, называемые местными жителями «матамата», обитают в перуанских районах Амазонки. Их панцирь очень лёгкий, но необычайно прочный. Амазонские черепахи — отличные ныряльщицы. Встречаются в реках перуанской сельвы также карликовые черепахи и необычные рыбы, имеющие форму плоского диска с отверстием посредине.

ЧАЙНВОРД

Отдел ведёт Вадим Ажентьев

1. Произведение Вальтера Скотта. 2. Растение с пушистыми семенами, разносимыми ветром. 3. Млекопитающее, приспособленное к подземному образу жизни. 4. Выдающийся итальянский живописец. 5. Французский государственный деятель и полководец. 6. Общее обезболивание. 7. Благородный металл. 8. Название земных станций космической связи. 9. Французский физик и математик. 10. Го-

род на севере ГДР. 11. Хищная птица семейства ястребиных. 12. Река в Северной Америке. 13. Фрукт. 14. Государство на севере Европы. 15. Советский военный деятель. 16. Русский композитор. 17. Французский писатель, один из создателей жанра научно-фантастического романа. 18. Город-герой. 19. Часть плоскости, ограниченная окружностью. 20. Проводник, сопровождающий туристов. 21. Советская спортсменка, представительница художественной гимнастики. 22. Условная пометка крестами на донесении, определяющая степень быстроты доставки этого донесения.

ПЛЕТЁНКА

На этой плетёнке были написаны четырнадцать семibuквенных слов. Как вы думаете, какие слова были написаны?

СЛОГОВАЯ ЗАДАЧА

Какие слоги нужно вписать вместо черточек для того, чтобы получилось 10 слов?

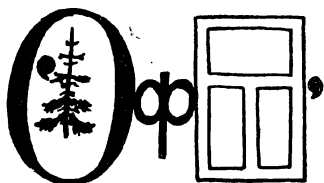
Киль — пер — до — бан — лан — ля.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Если правильно разгадаете этот ребус, то прочтёте название города.

РЕБУС МАЛЮТКА

Рисунки в этом ребусе ничем не напоминают нам о металле, но тем не менее это металл.

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 2]

КРОССВОРД

По горизонтали. 4. Лотерея.
7. Флокс. 9. Смесь. 11. Аорта.
13. Опал. 14. Хлор. 15. Скрип. 17. Ко-
рюшка. 19. Жаровня. 22. Село.
23. Нарва. 24. Ирис. 25. Рис. 26. Дон.
По вертикали. 1. След. 2. Кочка.
3. Лемма. 5. Ялта. 6. Осёл. 8. Сойка.
9. Стриж. 10. Колодец. 12. Бронхит.
15. Скунс. 16. Парад. 18. Юмор.
20. Овин. 21. Ария.

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ШИФРОВАНИЕ

Гранит на юге, песок на севере;
здесь — крутизна, там — дюны;
покатая равнина с волнистой
грядой холмов...

Содержание

Мамин день. Стихотворение . . .	1
Льва Куклина	
Здесь мудрость вечная живёт.	
Очерк Василия Островского . . .	2
Стихи Алексея Шевченко . . .	9
Ника. Продолжение повести Ни- колая Фёдорова	10
Ковбой. Стихотворение А. Шкля- ринского	13
Весенние радости. Этюды Н. Сладкова	18
Упрямая дочка. Стихотворение В. Ганского	22
В первый раз. Повесть Татьяны Кудрявцевой	23
Кащей. Стихотворение Олега Та- рутина	33
Красный тоннель. Повесть Ири- ны Кирпичниковой	34
Необычное происшествие на Трафальгарской площади. За- метки о международной жизни Бориса Никольского	45
Откуда ты взялся, Чебурашка? Интервью с создателями фильма Как хорошо! Стихотворение Мих. Садовского	47
Шингебис и Кабибонокка. Ле- генда	50
Что рассказал Вова. Стихотворе- ние Людмилы Фадеевой	51
Не приняли. Фельетон В. Нико- лаева	54
Через 1500 лет. Заседание клу- ба «Олимпийский хронометр» . .	55
Мальчишки. Стихотворение Алексея Старикова	57
Самое-самое	59
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	61
	63

На 1-й странице обложки рисунок
Г. Ясинского «С открытым забра-
лом».

На 2-й странице обложки фото-
этиюд П. Маркина «Весенняя ка-
пель».

На 3-й странице обложки рисунок
из школьной стенгазеты «Необыч-
ное поздравление».

На 4-й странице обложки рисунок
Л. Московского «Весеннее поло-
водье».

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА
ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, К. И. Курбатов, А. М. Млодик,
Б. Н. Никольский, В. Н. Сулов, И. А. Турчин.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 25.01. 1979 г. Подписано к печати 22.03. 1979 г. 4 л. л.
М-20051. Зак. № 28. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 55 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата.
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

